

**РУССКОЕ ВИДООБРАЗОВАНИЕ:
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ, СЛОВОКЛАССИФИКАЦИЯ
ИЛИ НАБОР КВАЗИГРАММЕМ?
(еще раз о болевых точках русской аспектологии)***

© 2017

Елена Викторовна Горбова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
199034, Российская Федерация; e.gorbova@spbu.ru

В статье обсуждается ряд «болевых точек» русской аспектологии, недавно сформулированных В. С. Храковским, при этом особое внимание уделяется характеристике русского вида как (слово)-классифицирующей vs. словоизменительной грамматической категории, а также регулярности механизма суффиксальной имперфективации. Кроме того, рассматривается новое для русистики предложение о представлении русского вида как совокупности различных квазиграммем.

Ключевые слова: квазиграммема, русский вид, словоизменительная категория, (слово)классифицирующая категория

**ASPECTUAL FORMATION OF RUSSIAN VERBS:
INFLECTION, DERIVATION,
OR A SET OF QUASIGRAMMEMES?
("sore points" of Russian aspectology revisited)**

Elena V. Gorbova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e.gorbova@spbu.ru

The paper deals with some "sore points" of Russian aspectology recently formulated by Victor Khrakovskij, especially with the problem of characterization of the Russian aspect as classifying vs. inflectional category and the regularity of suffixed imperfectivation. In addition, an alternative treatment of verbal aspect in Russian as an interaction of several distinct categories (a set of aspectual quasigrammemes) is discussed.

Keywords: classifying category, inflectional category, quasigrammeme, Russian aspect

1. Введение. Проблематика и цель обсуждения

В докладе на V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Киото, 13—15 ноября 2015 г.) и в соответствующей публикации В. С. Храковский [2015] сформулировал перечень утверждений, относительно которых у аспектологов имеется консенсус, и обозначил несколько «болевых точек» русской аспектологии. Одной из них он называет квалификацию категории вида русского глагола как

* Автор приносит искреннюю благодарность Хансу Роберту Мелигу (Университет имени Христиана Альбрехта, г. Киль), Дмитрию Герасимову (ИЛИ РАН) и Андрею Горбову (НИУ ВШЭ), а также двум анонимным рецензентам, чьи комментарии и замечания к рукописи данной статьи позволили ее улучшить. Все оставшиеся недочеты остаются на совести автора.

последовательно словоизменительной, как последовательно (слово)классифицирующей (*писать* ~ *написать* и *записать* ~ *записывать* равно обнаруживают отношения деривации) или гибридной: словоизменительной в части суффиксальной (вторичной) имперфективации и (слово)классифицирующей в части приставочной перфективации [Там же: 322—323]. При этом автор полагает, что в работах [Горбова 2014; 2015а] представлена «гибридная» трактовка русской категории вида, в то время как сам он приводит аргументацию в пользу последовательно (слово)классифицирующей трактовки.

Цель предлагаемой статьи — обсуждение этой аргументации, а также оценка предложения о трактовке русского вида как совокупности квазиграммем, высказанного в [Герасимов 2015].

2. Отступление: отстаиваемая позиция

Однако начать хотелось бы с пояснения интерпретации предложенного в [Горбова 2014; 2015а; 2015б] анализа литературы и языковых фактов.

Прежде всего позволю себе два комментария к представленному в [Храковский 2015: 322—323] перечню возможных ответов на вопрос о формальном статусе категории русского вида (словоизменение vs. (слово)классификация) и упомянутых там мнениях. Во-первых, при изложении одного из решений (русский вид — словоизменительная категория) приводится цитата из словарной статьи «Вид» [Маслов 1990]. Однако эта цитата¹ апеллирует к семантическому основанию вида и ничего не говорит о морфологической стороне этой грамматической категории (к тому же дает общий, а не частнолингвистический подход). Поэтому вряд ли возможно на основе этой цитаты делать вывод о принадлежности Ю. С. Маслова к партии сторонников или противников трактовки вида как словоизменения. Примечательно, что в той же словарной статье можно обнаружить и другое высказывание, завершающее краткий обзор проблематики именно морфологии и именно русского вида (с привлечением авторского понятия видовой основы): «Спорным остается вопрос, является ли вид в русском языке словообразовательной или словоизменительной категорией» [Там же: 83]. Ничего более определенного в данном тексте относительно собственной позиции его автора по поводу обсуждаемого вопроса мы не найдем. Зато имеются другие работы Ю. С. Маслова, где он высказывается по данному вопросу вполне определенно, к примеру:

«Взятая... в морфологическом разрезе, категория совершенного/несовершенного (перфективного/имперфективного) вида представляет собой категорию не “классификационного” (как категория рода в имени существительном), а словоизменительного типа: видовое противопоставление может осуществляться в рамках одного и того же лексического значения, в результате чего соответствующий глагол изменяется (спрягается) по видам в принципе так же, как он изменяется (спрягается) по временам, наклонениям, лицам и числам» [Маслов 1963а: 3].

«Отвлекаясь от явления двувидовых основ и от довольно редких случаев супплетивности, формами одного глагола мы будем считать только образования совершенного и несовершенного вида типа русск. *дать* — *давать*, *бросить* — *бросать*, *подписать* — *подписывать*, *втолкнуть* — *втолкивать*, т. е. однокоренные образования, обладающие тождественным лексическим значением и различающиеся между собой отсутствием или наличием специального суффикса имперфективации. Иными словами, (...) о видовых формах одного глагола мы будем говорить лишь там, где (при тождестве лексических значений) формы несовершенного вида являются суффиксальными производными от форм

¹ «Вид глагольный (в международной терминологии — аспект) грамматическая категория глагола, обобщенно указывающая, “как протекает во времени или распределяется во времени” (А. М. Пешковский) обозначенное глаголом действие» [Маслов 1990: 83].

совершенного вида. Что же касается таких традиционно выделяемых “видовых пар”, как *колоть* — *кольнуть* (“назальный суффикс” в основе совершенного вида) или *темнеть* — *потемнеть* с так называемой “чисто видовой приставкой”, “*préverbe vide*”) то эти “пары” не рассматриваются в данной работе как составляющие формы одного слова, а лишь как очень близкие, но не тождественные синонимы, в ряде контекстов вполне эквивалентные друг другу» [Там же: 4—5].

Такой подход можно видеть как в более ранних [Маслов 1958/2004: 447], так и в более поздних работах Маслова [1978/2004: 331]. Полагаю, что в публикации [Маслов 1990] исключительно по соображениям жанра автор обошел стороной этот вопрос, лишь отметив его дискуссионный характер, и не стал приводить аргументы в пользу своей позиции (тем более, что в 1980 г. вышла в свет академическая РГ-80, в которой была закреплена альтернативная точка зрения: «[К]атегория вида является категорией несловоизменяемой» [РГ-1980: 584]).

На мой взгляд, позиция Ю. С. Маслова (близкая к взглядам С. О. Карцевского и А. И. Исаченко, см. [Карцевский 1927/1962; Исаченко 1954/2003]) может быть резюмирована как набор следующих положений.

1. Русский вид — словоизменяемая категория, ее морфология — суффиксальная имперфективация, применяемая к префигированному глаголу СВ.
2. Приставки и назальный суффикс — типичные словообразовательные морфемы [Маслов 1963а: 9]; приставочная имперфективация порождает пары, в которых «во всех славянских языках господствуют не отношения тождества лексических значений членов пары, а скорее отношения их частичной синонимии» [Маслов 1963а: 4].
3. (Однозначные) суффиксы (вторичной) имперфективации — собственно видовые морфемы [Там же: 9].
4. Двувидовые глаголы (типа *женить*, *казнить* и *трансформировать* с видовыми основами: *жен'*-, *казн'*-, *трансформиру-/трансформиров-*), как и супплетивные образования (*брать* ~ *взять*), должны описываться отдельно [Там же: 4—5].
5. Видовые основы непроеизводных глаголов являются одновидовыми (исключительно перфективными, как у *дать*, или исключительно имперфективными — *иметь*, *смотреть*, *гулять*) [Там же: 11—12].

Таким образом, если невозможно не согласиться с тем, что Ю. С. Маслов оценивал русский вид как (в целом) словоизменяемую категорию, то невозможно не видеть и того, что словоизменение (= формобразование) ограничивалось у него морфологической областью суффиксальной имперфективации. Поэтому именно в масловской трактовке можно усмотреть признаки «гибридности», хотя предпочтительнее, на мой взгляд, относиться к подобной позиции как к признающей нетотальный охват видовым словоизменением глагольной лексики русского языка, обусловленный неполной завершенностью процесса грамматикализации такого формального видового механизма, как суффиксальная имперфективация². В этом смысле более последовательный подход (с тотальным охватом глагола выбранной характеристикой) мы находим в работах А. Н. Тихонова [1964; 1998]. У этого автора префиксальная перфективация при помощи «чистовидовых приставок» (*читать* ~ *прочитать*, *слабеть* ~ *ослабеть*, *делать* ~ *сделать*) также признается словоизменением (наряду с вторичной имперфективацией), см. подробнее в [Горбова 2015б: 63].

Также не могу согласиться с квалификацией моей позиции как относящейся к трактовке русского вида «как своего рода гибридной категории», а именно: «[в]идовые пары: глагол НСВ (первичный имперфектив) — глагол СВ (производный перфектив) (типа

² Ср.: «... встречаются случаи, когда та или иная (сравнительно небольшая или же периферийная) группа глаголов должна рассматриваться не как имеющая формы только одного вида, а как стоящая вообще вне вида, с диахронической точки зрения как еще (или, напротив, уже) не охваченная видовым противопоставлением...» [Маслов 2004: 328—329].

писать — *написать*) относится к (слово)классифицирующей категории вида, тогда как пары глагол СВ (производный перфектив) — глагол НСВ (вторичный имперфектив) (типа *записать* — *записывать*) образуют собой словоизменительную категорию вида» [Храковский 2015: 322—323]. Постараюсь изложить свою позицию, оставляя решать читателю, является ли она вариантом «гибридного» взгляда или же словоизменительной трактовкой, близкой к изложенному выше подходу Ю. С. Маслова³.

Поясним принятое здесь понимание словоизменения и (слово)классификации (словоизменительной и (слово)классифицирующей грамматической категории, далее — ГК соответственно) и критерии отнесения к тому и другому типу. Вслед за авторами работ [Зализняк 2002; Плуныян 2011] критерием квалификации множества (не менее двух) однородных и взаимоисключающих грамматических значений как образующих словоизменительную ГК является одновременное наличие обязательности (выражения в данном языке) и регулярности (в смысле [Зализняк 2002: 24—26], см. также раздел 4.2), а критерием квалификации обладающего теми же свойствами множества как классифицирующей ГК — обязательность без регулярности [Плуныян 2011: 26—27, 51—52]. Таким образом, в рамках словоизменительной ГК обязательно выражаемые грамматические значения распределены по словоформам лексемы и образуют парадигму, а столь же обязательно выражаемые грамматические значения (слово)классифицирующей категории распределены по различным лексемам и задают в рамках своей сферы действия (естественного подкласса лексики языка) множество классов, количественно равное числу грамм в этой ГК.

Наиболее приемлемой видится следующая модель описания морфологии русского вида. Приставочная перфективация (образование префигурированного перфектива от первичного имперфектива⁴ НСВ₁ → СВ: *писать* → *написать*, *писать* → *записать*), сопровождающаяся лексическими (в большинстве случаев), актантными и неизбежными вследствие добавления результирующего подсобытия акциональными изменениями (см. [Татевосов 2015: 272—295]), рассматривается как типичное словообразование в рамках одной части речи. И, напротив, суффиксальная имперфективация (в результате которой, как пишет В. С. Храковский [2015: 326], образуются такие пары, что «у глаголов в этих парах одно лексическое значение и отличаются они друг от друга только аспектуально»), является словоизменением и сферой действия грамматической (по технике кодирования — синтетической) категорией русского вида. И то и другое подтверждается данными о силе ассоциативных связей (которые характерны для разных лексем, но не для словоформ одной лексемы) между входящими в видовую пару инфинитивами СВ и НСВ: наиболее сильна связь между (однокоренными) НСВ₁ и СВ (*делать* ~ *сделать*), уступая в этом лишь супплетивным парам (*брать* ~ *взять*), наиболее слаба ассоциативная связь между парами типа СВ ~ НСВ₂ (*доделать* ~ *доделывать*), см. [Риехакайнен 2014].

Соответственно, являющийся симплексом НСВ₁, как и приставочный глагол-derivat перфективного типа, не допускающий дальнейшей суффиксальной имперфективации (вследствие действия запрета на третичную имперфективацию, см. [Татевосов 2015; Киселева, Татевосов 2015]), то есть образования типа *наоткрывать*, оказываются за пределами словоизменительной видовой оппозиции, хотя и проявляют функциональное сходство⁵ с входящими

³ Отметим, что наиболее близкой к «гибридной» можно считать позицию авторов монографий [Анна Зализняк, Шмелев 2000; Анна Зализняк и др. 2015], ср.: «... имеются достаточно веские аргументы в пользу как словоизменительной, так и словоклассифицирующей трактовки вида. Повидимому, этот вопрос вообще не имеет однозначного решения (в том смысле, что ни то, ни другое решение не может быть проведено последовательно) — что отражает двойственную природу категории в русском языке» [Анна Зализняк, Шмелев 2000: 15].

⁴ Используемые здесь и далее обозначения НСВ₁ для первичного имперфектива и НСВ₂ для вторичного, а также понятие биимперфективной тройки, были введены в работе [Анна Зализняк, Микаэлян 2010].

⁵ Имеются в виду сочетаемостные и функциональные особенности, изложенные в [Падучева 2015] с опорой на [Маслов 2004: 117], в частности для НСВ: аналитическая форма будущего времени,

в словоизменительные отношения НСВ₂ (вторичными имперфективами) и деривационно исходными для них префигированными СВ, которые совместно образуют видовую пару, состоящую из форм одной лексемы:

Таблица 1

**Префиксальные и беспрефиксные морфологические формы русского глагола
в их соотношении с видовой парностью**

Симплексы		Видовая пара = формы одной лексемы: (префигированный) СВ ~ НСВ ₂	Перфективный дериват, не допускающий имперфективации ⁶
НСВ ₁	<i>крыть</i>	<i>от-крыть ~ от-кры-ва-ть</i>	<i>на-от-кры-ва-ть</i>
	<i>писать</i>	<i>за-писать ~ за-пис-ыва-ть</i>	<i>на-за-пис-ыва-ть, по-на-за-пис-ыва-ть</i>
СВ ₁	<i>дать</i> ⁷	<i>за-дать ~ за-да-ва-ть</i>	<i>на-за-да-ва-ть</i>

Симплексы НСВ₁, несмотря на их функциональное сходство с НСВ₂, нецелесообразно считать входящими в последовательно словоизменительную видовую корреляцию по причинам, изложенным выше. Главной из них является семантическая: отсутствие (в общем случае) в их структуре результирующего подсобытия, или, другими словами, различие в акциональности. Симплексы НСВ₁ представляют собой состояния либо непрелельные процессы (довольно редкие исключения — лексикографически предельные первичные имперфективы типа *таять*, *сохнуть*, не требующие поддержки контекста для своего предельного прочтения), в то время как префигированные и снабженные эксплицитным суффиксом имперфективации НСВ₂ представляют собой предельные процессы⁸. Указанное различие зачастую влечет за собой и различие в валентностных характеристиках однокоренных НСВ₁ и НСВ₂ — возможную одноместность НСВ₁ при обязательной двухместности НСВ₂: *окумать писать* при *окумать записывать звучащую речь* и *уметь записывать*⁹. Функциональная общность

употребление в настоящем времени для обозначения единичного действия, сочетаемость с фазовыми глаголами, с показателями включенного времени, показателями длительности, узальности и неограниченной кратности; для СВ: синтетическая (простая) форма будущего времени, неупотребляемость в настоящем времени в значении единичного действия, несочетаемость с фазовыми глаголами, с показателями включенного времени, показателями длительности, узальности и неограниченной кратности [Падучева 2015: 189]. См. также [Милославский 2015: 11—12], где отмечена характерная для НСВ (но не для СВ) сочетаемость с «отрицательными рекомендациями» (*не советую, не стоит, разлюбил* и т. п.).

⁶ Для такого перфектива (так сказать, вторичного) можно ввести особое обозначение — СВ₂, параллельное уже существующему наименованию вторичный имперфектив — НСВ₂ (соответственно, перфектив-симплекс логично было бы обозначать как СВ₁). При этом нельзя отрицать некой условности предлагаемого наименования, поскольку оно призвано распространяться на все перфективы, не допускающие третичной имперфективации в соответствии со сформулированным в [Татевосов 2013] ограничением, однако подчиняющиеся этому ограничению перфективы могут иметь в своем составе не только два, но и большее количество префиксов.

⁷ Кроме общей редкости симплексов СВ отметим исключительную именно для этого глагола способность к суффиксальной имперфективации, в результате чего мы получаем инфинитивную форму *да-ва-ть*.

⁸ В этом смысле характерна различная сочетаемость с обстоятельствами, апеллирующими к интенсивности и скорости процесса в *сильнее горюшь*^{НСВ1} — *быстрее сгораешь*^{НСВ2} [Быков 2016: 289].

⁹ Здесь не имеются в виду те специальные случаи, когда первичный имперфектив выступает в роли «джокера» и заменяет собой вторичный, то есть случаи типа *рвать мосты* вместо *взрывать мосты*, впервые описанные в [Анна Зализняк, Микаэлян 2010; Анна Зализняк и др. 2010; Анна Зализняк, Микаэлян 2011]; о понятии «джокера» и НСВ₁-джокерах см. в [Горбова 2014; 2015а]. Отметим, что в некоторых случаях «джокер» может оказаться не совсем удачной заменой для НСВ₂ и затруднить понимание текста адресатом. Ср. характерную помету Д. Быкова к строчкам В. Маяковского из поэмы

НСВ₁ и НСВ₂ обеспечивается, таким образом, внешними причинами — семантическими особенностями двух акциональных классов, большей частью объединяемых в общем понятии непределных (то есть, по Маслову, не соотнесенных с пределом) глаголов (подробнее об акциональных и семантических различиях НСВ₁ и НСВ₂ см. в [Горбова 2015а: 25—31]).

Не допускающие (дальнейшей) имперфективации производные перфективы также нежелательно включать в видовую оппозицию СВ ~ НСВ₂ на общих основаниях, учитывая особенности их семантики и акциональности. Имеются в виду, прежде всего, дериваты, подпадающие под запрет третичной имперфективации, то есть образования, уже включившие в свой морфемный состав по крайней мере два префикса и суффикс имперфективации *-(ы/и)ва*¹⁰. Дело в том, что в этих случаях уже не обнаруживается свойственного паре форм СВ ~ НСВ₂ довольно простого семантического соотношения, обнаруживающего прямую зависимость от акциональности префигированного СВ. А именно: если СВ является моментативом (с пунктивной, или собственно событийной, семантикой), полученный в результате суффиксальный имперфективации НСВ₂ будет иметь итеративную (или хабитуальную) семантику; если же префигированный СВ принадлежит к классу предельных процессов, то (при референции к единичной ситуации) после имперфективации в окно наблюдения вводится срединный участок этого предельного процесса, то есть реализуется семантика прогрессива (или дуратива). В случаях дальнейшей деривации путем присоединения селективно-ограниченных префиксов — делимитативного *по-*: *по-сидеть*, *по-раз-вар-ивать*; кумулятивного *на-*: *на-ловить* (рыбы), *на-раз-би-вать* (яиц); дистрибутивного *пере-*: *пере-ловить* (всех преступников), *пере-до-дел-ывать* (все карты); инхотативного *за-*: *за-петь*, *за-пере-дел-ывать* (задание) [Татевосов 2013: 48—49] — к образованным в результате суффиксальной имперфективации НСВ₂ мы получаем уже гораздо более сложную семантическую картину. В каждом случае семантический взнос присоединяемого префикса значителен: от наименее серьезной модификации ситуации, привносимой делимитативным *по-*, через фазовый префикс *за-* и до вводящих требование на множественность актанта-объекта (мультиобъектность) кумулятивного *на-* и дистрибутивного *пере-*. Последние два префикса также неизбежно мультиплицируют ситуацию, если она ранее (на предыдущем этапе деривации) была единичной.

В связи с этим отметим, что при таком подходе нам трудно солидаризироваться со вторым утверждением из списка тех, с которыми, как полагает В. С. Храковский [2015: 321], будут согласны все специалисты по русской аспектологии: «Каждый глагол является либо глаголом несовершенного вида (НСВ), либо глаголом совершенного вида (СВ). Картину не нарушает некоторое количество двувидовых глаголов (типа *казнить*, *телеграфировать*), которые в одних контекстах ведут себя как глаголы СВ, а в других — как глаголы НСВ». Это верно только в том случае, если мы подходим к распределению ярлыков СВ и НСВ исключительно функционально, имея в виду, в частности, (не)сочетаемость с фазовыми глаголами (перечень имперфективных и перфективных сочетаемостных и функциональных особенностей см. выше в сноске 5).

Однако в рамках предлагаемой модели описания, ориентированной на морфосинтаксис и стандартную для суффиксальной имперфективации семантику, количество не входящих

«Хорошо»: «*Эта пенья, /перепетая по-своему, /доходила /до глухих крестьян — /и вставляли села, /со-
дрогая воем, /по дороге /топоры крестя* (?) — вероятно, «скрещивая». — Д. Б.» [Быков 2016: 407].
При этом также, по-видимому, возможна интерпретация через НСВ₂ *перекрещивая*.

¹⁰ Поясним, почему по крайней мере два префикса. Дело в том, что так называемый селективно-ограниченный (СО-)префикс, один из подклассов внешних префиксов, в обязательном порядке присоединяется (формально — в терминологии С. Г. Татевосова, или функционально — в нашей терминологии) к имперфективной основе, ср. [Татевосов 2013: 49]. При этом, чтобы встал вопрос о третичной имперфективации, из двух вариантов имперфективных основ — симплекса НСВ₁ и морфологически более сложного НСВ₂ — нам будет нужен именно второй вариант. То есть речь идет о деривате СВ, полученном уже после введения в основу суффикса имперфективации — *[на[раз[вар]^{IPFV}ива]^{IPFV}ива]^{IPFV}-ть*, а не *[на[вари]^{IPFV}ива]^{IPFV}-ть*. Запрет на третичную имперфективацию распространяется и на основы с большим количеством префиксов, например, *[по[на[вы[дум]^{IPFV}ива]^{IPFV}ива]^{IPFV}ива]^{IPFV}-ть*.

в словоизменительную видовую корреляцию (СВ ~ НСВ₂) глаголов увеличивается за счет первичных имперфективов-симплексов (НСВ₁) и недоступных для третичной имперфективации перфективов, имеющих в своем составе СО-префиксы и/или левопериферийный дистрибутивный префикс *по-*, присоединенный поверх СО-префикса. Эти две группы (*писать*, *крыть* и *наоткрывать*, *поназаписывать*) могут быть названы (словоизменительно) несоотносительными имперфективами и перфективами.

3. Аргументация против словоизменительной трактовки русского вида

Перейдем к обсуждению аргументов, приведенных В. С. Храковским в качестве препятствий к признанию словоизменительного характера суффиксальной имперфективации. Начнем с общего перечня этих аргументов.

- I. Выделение в [Храковский 2015] 4-й и 5-й группы (единожды) префигированных перфективов¹¹. 4-я группа — это тот случай, когда вокабула префигированного перфектива имеет несколько лексем (значений), при этом суффиксальная (вторичная) имперфективация доступна не для всех лексем (значений) данного глагольного слова, и даже в тех случаях, когда она доступна, НСВ₂ вместе со стандартным имперфективным реализует и нестандартное значение (ср.: *пережить* (*кризис*) и (*сильно*) *переживать*). 5-я группа «включает перфективы, у которых формально есть соотносительные вторичные имперфективы, лексическое значение которых, однако, не детерминируется семантикой исходных перфективов и стандартными правилами вторичной имперфективации» [Там же: 327]. Имеются в виду пары типа *заиграть* (*марш*) ~ *заигрывать* (*с девушкой*), *раздумать* (*говорить*) ~ *раздумывать* (*над дилеммой*), (*наконец*) *замолчать* ~ *замалчивать* (*трудности*). Проблему для словоизменительной трактовки представляет наличие нестандартных значений у вторичных имперфективов, образуемых в ряде случаев от глаголов 4-й и всегда от глаголов 5-й группы.
- II. Оценка вторичной имперфективации как (не)регулярного образования. С точки зрения В. С. Храковского, у сторонников характеристики вторичной имперфективации как явления регулярного имеется несколько проблем: а) само пороговое значение — каким оно должно быть для признания (любого языкового) феномена регулярным; б) разница обнаруженных в рамках исследования [Janda et al. 2013] долей образования НСВ₂ от (единожды) префигированных СВ: при работе с [НКРЯ] это 37%, при работе с поисковой системой «Google» — 77%; и здесь мы сталкиваемся, в частности, с проблемой определения границ предмета исследования: является им кодифицированный или же общенациональный русский язык с включением разговорной речи; в) точность полученных в [Janda et al. 2013] цифр, которая ставится под сомнение вследствие неучета полилексемности (многозначности) вокабул: в случаях нереализации суффиксальной имперфективации для части лексем соответствующие вокабулы вошли в число допускающих вторичную имперфективацию, см. [Храковский 2015: 324—325].
- III. Поставлен вопрос об отсутствии общего правила запрета на вторичную имперфективацию [Там же: 328], которое мотивировало бы трактовку данного морфологического механизма как регулярного словоизменения: СВ → НСВ₂.
- IV. Лексикографическое представление русского вида: автору цитируемой работы оно представляется более простым и удобным при (слово)классифицирующей трактовке,

¹¹ Начало перечня: 1-я группа — «стандартные однозначные перфективы, от которых образуются и стандартные имперфективы», примеры — *переписать*, *вбежать*; 2-я группа — «однозначные перфективы типа *поползти*, *проморгать*, от которых имперфективы не образуются»; 3-я группа — «перфективы, вокабула которых включает как минимум два значения, т. е. лексемы», причем одна лексема образует видовую пару с симплексом НСВ, а другая образует стандартный имперфектив, например *бить* ~ *пробить* (о часах) и *пробить* ~ *пробивать* (дыру в стене) [Храковский 2015: 326—327].

когда каждый инфинитив любого вида становится заголовком словарной статьи, см. [Там же: 329].

- V. «Типологический аргумент» в пользу (слово)классифицирующего характера русского вида: «вид как словоклассифицирующая категория может комбинироваться с видом как словоизменительной категорией» [Там же: 330]. Этот вывод получен на примере болгарской аспектуальной системы. При этом способность к указанной комбинаторике подается как контраргумент к словоизменительной трактовке.
- VI. Вновь — как отдельная болевая точка русской аспектологии — поднимается вопрос о биимперфективных тройках [Там же: 330—331] и высказывается мнение, что «первичный и вторичный имперфектив в конвенциональных тройках не исключают, а дополняют друг друга» [Там же: 332].

Общий вывод автора обсуждаемой работы таков: «Словоизменительная концепция вида учитывает не все реально существующие факты языка и создает определенные трудности как для теоретического описания устройства глагольного слова, так и при решении вопроса об адекватной подаче глагола в словаре» [Там же: 330].

4. Обсуждение аргументации против словоизменительной трактовки

Попробуем последовательно ответить на эти аргументы¹². Необходимая предварительная оговорка: словоизменение в рамках русского видообразования мы будем понимать не так, как это предложено А. Н. Тихоновым, а в духе концепции, изложенной в разделе 2 (она основана на идеях С. О. Карцевского, А. В. Исаченко, Ю. С. Маслова). Соответственно, в указанном смысле понимаемое словоизменение (исключительно в рамках суффиксальной имперфективации, то есть отношений между префигируемым СВ и образованным от него НСВ₂) не может охватить «все реально существующие факты языка». За пределами так понимаемого словоизменения остаются словоизменительно не соотносительные имперфективы и перфективы, которые описываются с использованием других понятий: как морфологических (симплексы, словообразование, запрет на третичную имперфективацию), так и семантических (акциональный класс (состояния, непредельные процессы, события), лексический вид, видовые партнеры). При этом принимается во внимание и функциональный аспект, а именно — сходное функционирование (сочетаемость с фазовыми глаголами, особенности образования императива и прохибитива, способность к образованию секвентной цепочки и т. д.) не входящего в словоизменение первичного имперфектива-симплекса (типа *рвать*) и входящего в словоизменительную пару вторичного имперфектива (типа *взрывать*, соотносимого с *взорвать*), аналогично — перфектива-симплекса (типа *дать*) и входящего в пару с НСВ₂ префигируемого перфектива (типа *выдать*, соотносимого с *выдавать*).

4.1. Лексикализация, или деграмматикализация, грамматической формы

Напомним, что в рамках классификации префигируемых глаголов СВ по особенностям их суффиксальной имперфективации, предложенной в [Храковский 2015: 326—327], были

¹² Основными следует считать первые три аргумента: I и II в соответствии с теми критериями, которые, по мнению автора обсуждаемой работы, применяются для характеристики суффиксальной имперфективации как словоизменения (это регулярность образования и семантическая стандартность суффиксальной имперфективации, см. [Храковский 2015: 327—329]); существенность же аргумента III, на мой взгляд, трудно переоценить с методологической точки зрения. Оставшиеся три положения обладают меньшей значимостью, с точки зрения автора, лишь дополняя перечень собой «болевых точек русской аспектологии», и с этой оценкой вполне можно согласиться.

выделены две группы перфективов, специфика которых заключается в наличии семантических отклонений от формируемого в процессе имперфективации стандартного имперфективного значения, характерных для производных от них имперфективов.

В качестве объяснения наблюдаемых семантических девиаций предлагается следующее утверждение.

- (1) Отсутствие стандартного семантического соотношения между префигурованным СВ и НСВ, является следствием лексикализации (деграмматикализации) грамматической формы¹³.

Обозначенное в (1) явление хорошо известно на примере субстантивной категории числа (которую при этом большинство лингвистов, включая авторов академической грамматики, см. [РГ-80: § 1147], продолжает считать словоизменительной), ср.: *час* ‘промежуток времени’ ~ *часы* ‘механизм для измерения времени’, *капля* ~ *капли* ‘лекарственная форма’, *рожок* (диминутив от *рог* ‘духовой инструмент’) ~ *рожки* ‘изделия из теста’ и т. п., см., в частности, [Плунгян 2011: 214—215]. При лексикализации, то есть закреплении такого нестандартного значения за одной из видовых форм (здесь — формой НСВ₂), использование той же словоформы в стандартном словоизменительном значении (в нашем случае — значении имперфектива: прогрессива или итератива) может быть прагматически затруднено, поскольку говорящий, желая быть однозначно понятым, стремится избежать ее использования.

Этим, возможно, объясняется редкость использования НСВ₂ *заигрывать* в стандартном имперфективном значении — при обозначении ряда событий от инхоативного *заиграть* (марш)¹⁴, то есть ‘(неоднократно) начинать играть’.

Приведем данные обращения к [НКРЯ] с запросом «заигрывать»¹⁵. Выдача составила 653 вхождения из 508 документов. При очевидно преобладающем (617 случаев, или 94,5%) значении, реализуемом (при отсутствии эллипсиса) в рамках конструкции с актантом, вводным предлогом — «с кем-либо (чем-либо)», как в примере (2) ниже, встретились еще четыре типа случаев:

- а) условно говоря, «этимологические» употребления, вскрывающие семантический переход от стандартного и ожидаемого при имперфективации значения (для исходного инхоатива СВ *заиграть*) к производному и преобладающему (по данным [НКРЯ]) значению ‘(шутливо) кокетничать’¹⁶, см. (3) и (4) (таких случаев в выборке оказалось шесть, т. е. 0,9%);
- б) *заигрывать* в переходном употреблении, но как имперфектив от комплетивного¹⁷, а не инхоативного *заиграть*, т. е. *заиграть* (что-л., кого-л.) в значении ‘играя, довести до негодности (инструмент), избитости (музыкальное произведение), изнеможения

¹³ См. краткое указание именно на такое понимание при обсуждении периферийного «нетождества» лексических значений в парах СВ и суффиксального НСВ, квалифицируемого как «отступление от нормы» в [Маслов 1963а: 4]: «подобные процессы “лексикализации” отдельных грамматических форм или групп форм, выпадения их из состава лексемы и выделения в отдельное слово наблюдается, как известно, и в других частях речи (ср. русск. *час*//*часы* и *plurale tantum часы* и т. п.)».

¹⁴ В [Анна Зализняк 2006: 315] это один из типов значений глаголов с *за-*: «(“инхоативное”) *за-V*: ‘внезапно начать и продолжать V’»; BEGIN: *V’=V*; *V’* — неопределенный гомогенный процесс».

¹⁵ Работа проводилась по основному корпусу; семантические или грамматические уточнения запроса не вводились; дата запроса — 23.01.2016.

¹⁶ Это значение первым дается в словаре Ушакова [1935—1940], в [МАС], словаре Ефремовой [2000] для переходного употребления, однако не так в словарях Даля [1880—1882] и Ожегова [Ожегов, Шведова 1992], где первым значением идет либо ‘начинать играть’ (у Даля), либо несов. к *заиграть* (у Ожегова).

¹⁷ По [Анна Зализняк 2006: 317] это другой тип значений глаголов с *за-*: «*за-V + X* (вин.): ‘производить действие *V’* сверх меры, вплоть до нанесения ущерба объекту *X* или его уничтожения’; *V’=V*, но *V’* не имеет прямого объекта, который имеется у приставочного глагола». Наш случай — это

- (лицо — участника игры)’ (эти значения идут как три первых у переходного *заиграть* в словаре [Ефремова 2000]), см. (5) (таких употреблений в выборке всего два, т. е. 0,3%);
- в) реализация стандартного имперфективного значения от инхоатива *заиграть*, см. (6) и (7); в выборке имеется 20 употреблений этого типа, что составляет 3%;
- г) случаи амбивалентные, допускающие как интерпретацию стандартного имперфективного значения от инхоатива, так и интерпретацию в значении ‘кокетничать’, см. (8) и (9) (таких случаев в выборке 8, т. е. 1,2%).
- (2) *И хотя она по-прежнему ничего не понимала, но главное было очевидно: Селуянов не пытался **заигрывать** с женой своего приятеля, а жена Стасова не строила глазки приятелю своего мужа [Александра Маринина. Светлый лик смерти (1996)].*
 - (3) *Странная была Осянина, и поэтому Федот Евграфыч осторожно навел справочки через свою хозяйку, хоть и понимал, что той поручение это совсем не для радости. — Вдовая она, — поджав губы, через день доложила Мария Никифоровна. — Так что полностью в женском звании состоит: можете игры **заигрывать**. Старшина промолчал: бабе все равно не докажешь... [Борис Васильев. А зори здесь тихие (1969)]*
 - (4) *⟨...⟩ попробовала кокетничать с мальчишками (на нашем языке это называлось «**заигрывать**»), однажды, вылезая из лодки, сказала такое, что все, кто оказался рядом, так и покатились от смеха: «Подайте ручку!» [Л. Р. Кабо. Ровесники Октября (1964)]*
 - (5) *Только варкалап не понимает, что человек против него хрупкий, и скоро **заигрывает** его до смерти [Михаил Успенский. Там, где нас нет (1995)].*
 - (6) *Я помню его еще с эпохи правоведской скамьи, когда он был из больших, а я был из маленьких в классе по возрасту; помню его лицо: как очень умное, оно всегда обращало на себя внимание, но иногда оно внушало известный страх, а иногда, когда на умном лице его **заигрывал** луч солнца, в виде улыбки и светлого, приветливого взгляда, это лицо внушало очарование [В. П. Мещерский. Мои воспоминания (1897)].*
 - (7) *Минут через десять ярко пылал небольшой костерчик на берегу, грелась в открытых банках свиная тушенка, утки проснулись и летали парами над самой водой, далеко где-то **заигрывали** тетерева, будто бы накручивал кто-то ручку детской балалаечки, взошло солнце, крупная рыба всплескивала всюю, птицы заливались в лесу, но и ноги наши гудели, и сон нас обрывал... [Юрий Казаков. Долгие крики (1966—1972)]*
 - (8) *Чувствовалось, что между ними бродит ласковый прохладный ветерок и **заигрывает**, и шалит, и, наклоняя цветы книзу, целует их [А. И. Куприн. Поединок (1905)].*
 - (9) *Неслись, помнится, круглые, добрые звуки колокола, и недавно подкованная лошадь, **заигрывая**, звенела копытами по случайным камням... [Н. Каратыгина. Через борозды (1923)]*

Таким образом, на примере со вторичным имперфективом *заигрывать* мы можем наблюдать возможность довольно сложного (в том числе с диахронической точки зрения) устройства семантического пространства НСВ₂ образованного путем суффиксальной имперфективации от (чаще всего единожды) префигированного СВ. Мы обнаружили семантический сдвиг от стандартного имперфективного значения и закрепление этой девиации (через промежуточный этап значения ‘начинать играть (игры)’ в виде значения ‘(шутливо) кокетничать’, которое стало настолько частотным, фактически преобладающим, что вполне закономерной видится постановка вопроса о лексикализации (деграмматикализации) данной

характеризуемый признаком «DAMAGE (закурить ⟨человека⟩, заиграть ⟨пластинку⟩; засидеть ⟨засиженная мухами лампочка⟩)» [Там же].

формы НСВ₂. Однако обращение к [НКРЯ] показало и довольно редкое, но все еще встречающееся употребление вторичного имперфектива *заигрывать* в его стандартном имперфективном значении, а также позволило получить контексты, допускающие возможность двоякой интерпретации.

По-видимому, в течение определенного временного периода имеет место параллельное использование двух расходящихся значений, в перспективе омонимичных. Причем этот феномен обнаруживается и среди глаголов, и среди существительных, ср. *капли (дождя)* и *(сердечные) капли* и аналогичное явление в глагольной сфере *пережить/переживать трудные времена* — и *(сильно) переживать* (пример глагола 4-й группы из [Храковский 2015: 327]).

Однако в рамках общей картины, даже если мы решим пренебречь этими последними случаями параллельного употребления стандартного имперфективного и подвергнутого лексикализации (девиантного) значения, факты спорадической лексикализации грамматической формы вряд ли могут служить препятствием для трактовки грамматической оппозиции между регулярно образуемыми словоформами как словоизменительной.

4.2. О (не)регулярности суффиксальной имперфективации

Со ссылкой на работу [Пиперски 2014]¹⁸ в [Храковский 2015: 328 (сноска 8)] утверждается, что «в языкознании отсутствует общепринятое определение понятия регулярности». И в связи с этим высказывается пожелание к тем, кто выступает с позиции характеристики вторичной (суффиксальной) имперфективации как явления регулярного, «указать, с какой процентной цифры в принципе начинается порог или мера регулярности и, разумеется, дать обоснование предлагаемой цифры» [Там же].

Думается, что из такой постановки проблемы вытекает сразу несколько вопросов: 1) действительно ли отсутствует общепринятое определение регулярности? 2) следует ли вводить конкретное пороговое значение для отграничения регулярных грамматических явлений от нерегулярных? 3) если да, то каково это пороговое значение?

В связи с первыми двумя вопросами полезно обратиться к формализации понятия регулярности (для номинативного элемента значения, каковым вид, несомненно, является), предложенной А. А. Зализняком:

«Ряд однородных номинативных компонентов значения считается регулярным для некоторого класса словоформ, если все словоформы этого класса (или по крайней мере подавляющее их большинство) можно разбить на группы, такие что в каждую входит столько словоформ, сколько номинативных элементов содержит данный ряд, и внутренняя сторона этих словоформ различается только номинативными элементами из данного ряда. Номинативный элемент значения считается регулярным для словоформы, если его ряд регулярен для класса словоформ, в который она входит» [Зализняк 2002: 25—26] (разрядка моя. — Е. Г.).

Возможно, утверждение о том, что определение регулярности, данное Зализняком, можно считать общепринятым, было бы излишне жестким, но мне неизвестны случаи выражения открытого несогласия с этим определением. Однако важнее тот очевидный факт, что порогового значения в нем не предлагается — вместо указания на пороговое значение мы имеем

¹⁸ Следует отметить, что как в докладе А. Ч. Пиперски, так и в опубликованных тезисах этого доклада [Пиперски 2014] предлагается градуальный подход к понятию регулярности, ср.: «...регулярность следует понимать не как бинарную оппозицию, а как градуальную шкалу» [Там же: 126]. Показательно также следующее утверждение: «Однако отсутствие формализуемых критериев регулярности вовсе не означает, что это понятие не работает: как ни странно в такой ситуации, большинство лингвистов примерно одинаково понимают, какие явления следует считать регулярными, а какие нет. Из этого следует, что строгое определение регулярности должно лишь формализовать лингвистическую интуицию и грамматическую традицию» [Там же: 125].

следующую формулировку: «все словоформы (или по крайней мере подавляющее их большинство)». Похожее отношение к «количественной проблеме» обнаруживается и в определении грамматической категории вида, сформулированном Масловым¹⁹: (из комментария к фрагменту определения вида как грамматической категории «в пределах большей части (иногда и всей) глагольной лексики»): «Для языков, имеющих грамматическую категорию вида, характерен тотальный охват этой категорией всей глагольной лексики. Однако прямое парадигматическое противопоставление видовых форм в пределах одной лексемы обычно наблюдается не у всех глаголов, а лишь у значительной их части (разрядка моя. — Е. Г.). Именно так обстоит дело со славянской оппозицией СВ : НСВ» [Маслов 1978/2004: 328]. То есть масловские формулировки таковы: «в пределах большей части (иногда и всей) глагольной лексики», «не у всех глаголов, а лишь у значительной их части»²⁰.

Несомненно, положение, при котором два явления четко отграничены друг от друга и исследователь имеет в своем распоряжении четко определенное пороговое значение, является удобным и желательным. Однако мне не известен ни один случай, когда в описательной и/или теоретической лингвистике был бы установлен, обоснован и принят научным сообществом некий количественный рубеж, некое пороговое значение, следствием которого явилось бы принятие теоретического решения (единственное высказывание лингвиста такого рода с использованием чисел трактует вопрос о количестве членов грамматической категории и приписывается М. В. Панову: семиотика — это такая наука, в которой два минус один равняется нулю). Поэтому брать на себя ответственность за установление и обоснование порогового значения для отделения регулярности от нерегулярности я бы не решилась, хотя могу предложить пару соображений.

Первое: из значения выражений «подавляющее большинство» (А. А. Зализняк), «большая часть», «значительная часть» (Ю. С. Маслов) следует, по-видимому, что подразумевается явным образом более 50% (это общая семантика всех выражений), но вот где именно начинается «подавляющее большинство» (с 55%, 60%, 65%, 75% или, например, 86%) установить, на мой взгляд, не представляется возможным. Это вопрос может быть предложен для обсуждения в лингвистическом сообществе, но только в том случае, если это сообщество предварительно согласится с тем, что введение порогового значения для (не)регулярности необходимо. Второе соображение касается возможных принципов определения порогового значения: для его установления можно было бы взять некую бесспорно словоизменительную категорию (или ряд категорий; возможно, на материале ряда синтетических языков) и на основе анализа долей лексем, регулярно и нерегулярно образующих формы в рамках этой категории (категорий), установить пороговое значение (или интервал) для (не)регулярности словоизменения в целом.

Предложим также небольшой комментарий относительно источника языкового материала, то есть решения дилеммы: пользоваться исключительно [НКРЯ] или возможно обращение к поисковым системам? Вопрос в немалой степени возник вследствие того, что в исследовании [Janda et al. 2013] данные о наличии НСВ₂ получились существенно различными

¹⁹ Полный текст определения: «О виде можно говорить только там, где какие-то аспектуальные значения в пределах большей части (иногда и всей) глагольной лексики получают регулярное выражение посредством парадигматически противопоставленных друг другу грамматических форм одного глагола» [Маслов 1978/2004: 326].

²⁰ Интересно, что на основании именно так сформулированной количественной «меры» Ю. С. Маслов отказывает ряду глагольных явлений в статусе вида, например противопоставлению однонаправленных и ненаправленных глаголов или семейфактивного и мультипликативного способа действия: «Рассматриваемый признак позволяет исключить из понятия “вид” такие противопоставления узкого лексического охвата..., как противопоставление однонаправленных и ненаправленных глаголов перемещения в славянских языках (*идти* — *ходить*, *бежать* — *бегать* и т. д., всего около десятка пар или немногим более) или противопоставление семейфактивного и мультипликативного способов действия (*махать* — *махнуть*), хотя оно охватывает уже значительно большее число пар и комбинируется (в русском языке) с видовым противопоставлением» [Маслов 1978/2004: 328].

при обращении к [НКРЯ] и к поисковой системе «Google» (37% и 77% соответственно). Можно предположить, что существенно (в два раза) меньший результат по [НКРЯ] обусловлен тем, что [НКРЯ], в отличие от поисковых систем, отражает кодифицированный литературный русский язык, то есть норму. И именно такая точка зрения эксплицитно выражена в [Храковский 2015: 328]. Если это так, то имея установку исследовать и описывать кодифицированный литературный язык, действительно, «целесообразней ориентироваться на цифры НКРЯ и оставлять за рамками исследования горячо обсуждаемые примеры типа *разбуживать* и *написывать*, которые... и защитники этих примеров не станут приводить в курсе литературного русского языка для иностранцев» [Там же]. (Отметим, впрочем, что наши примеры с формами *разбуживать* и *написывать* — это как раз примеры из [НКРЯ], см. [Горбова 2015а: 21].)

Думается, что твердая установка на изучение исключительно кодифицированного литературного языка вполне имеет право на существование и для определенных целей (например, для установления границ словаря активного владения на том или ином этапе изучения русского языка как иностранного) полностью оправдана. Однако исследователь может подходить к своему объекту и с другими целями и задачами, включающими, например, исследование диахронии. Причем он может иметь своим предметом как уходящие, так и возникающие явления (вспомним масловскую формулировку «с диахронической точки зрения как еще (или, напротив, уже) не охваченная видовым противопоставлением» [Маслов 2004: 329]). В таких случаях обращение к поисковым системам представляется полностью оправданным. Возможен и еще один аргумент в пользу поисковых систем: эти инструменты имеют в качестве базы поиска большие массивы текстов, чем [НКРЯ]. И здесь оказывается важным еще одно обстоятельство: [НКРЯ] при этом вовсе не является гарантией вхождения найденного там слова в кодифицированный литературный язык, поскольку, хотя он «в принципе» и «ориентирован на кодифицированный литературный русский язык» [Храковский 2015: 328], но с 2007 г. включает в свой состав и корпус устной речи (объемом 7,5 млн словоупотреблений на момент создания текста публикации [Гришина, Савчук 2009]), содержащий «расшифровки магнитофонных записей публичной и частной устной речи, а также транскрипты кинофильмов» [Там же: 132], см. <http://www.ruscorpora.ru/corpora-structure.html>. И если исследователь проводит поиск без ограничения (то есть по основному корпусу), то он также не застрахован от встречи с такими единицами, которые не входят в ядро кодифицированной русской лексики.

Следует также принять во внимание, что поиск по [НКРЯ], давший результат в 37% реализации суффиксальной имперфективации от префигированных перфективов из базы данных «Exploring Emptiness» (<http://emptyprefixes.uit.no>) проводился не по основному корпусу [НКРЯ] (140 млн. словоупотреблений), а по «Газетному корпусу (корпусу современных СМИ)»²¹, открытому в 2010 г. и существенно отличающемуся от основного (в который он не включен из соображений сохранения сбалансированности) не столько по объему (на 10.02.2016 — 228 521 421 словоупотребление), сколько по временному охвату и тематике текстов. В «Газетный корпус» входят исключительно тексты временного диапазона начиная с 2000-х гг. «семи СМИ — как печатных газет (“Известия”, “Советский спорт”, “Труд”, “Комсомольская правда”), так и электронных агентств (РИА “Новости”, РБК, “Новый регион”)) (информация взята со страницы <http://www.ruscorpora.ru/corpora-structure.html> сайта [НКРЯ]). Очевидно, что двойное сужение корпуса текстов (по временному диапазону и по жанрам) не могло не сказаться на сокращении результата: в выдаче не попали ни принадлежащие к художественной литературе примеры с *разбуживать* и *написывать* (первый — из текста О. Павлова конца XX в., второй — из текстов Г. Скороды и Ф.М. Решетникова конца XVIII и XIX вв. соответственно, см. [Горбова 2015а: 21]),

²¹ Такой вывод сделан на основе следующего пояснения: «To ensure that the corpus results reflect the current usage, searches in the Russian National Corpus were conducted on the modern subcorpus of Russian...» [Janda et al. 2013: 170 (footnote 11)].

ни употребления, свойственные спонтанной разговорной речи. Оба ограничения — жанровое и временное — оказались, по-видимому, серьезными факторами. О влиянии второго мы можем судить, опираясь на результаты диахронического исследования, проведенного по основному корпусу [НКРЯ] (опубликованы в [Горбова 2015а: 19—25]): наибольшее количество «одиночек» (суффиксальных имперфективов, найденных только в одном из трех временных диапазонов) приходится как раз на период 1850—1901 гг. — 92 единицы (для сравнения: период 1701—1750 гг. — 5 единиц, период с 1950 г. по 2015 г. — 22 единицы) [Там же: 21]. В долю в 37% эти 92 суффиксальных имперфектива явным образом не попали (как, впрочем, и пришедшие на более ранний период, а также часть тех, что были зафиксированы начиная с 1950 г.).

Что же касается последнего критического замечания В. С. Храковского относительно полученных в [Janda et al. 2013] данных, связанного с поиском суффиксальных имперфективов не для моносемичных перфективных лексем, а (как можно предположить) для вокабул, то и здесь все не просто. Прежде всего, никаких сведений относительно того, что же является предметом исследования в [Janda et al. 2013] — (моносемичная) лексема или вокабула, мне обнаружить не удалось. Прояснить этот вопрос могут только сами участники исследовательского проекта и авторы публикации.

Предположим, однако, что работа велась именно с вокабулами. Насколько существенно в таком случае могут уменьшиться количественные показатели наличия суффиксальных имперфективов со стандартным значением и повлиять на нашу оценку регулярности этого морфологического явления? Попробуем ответить на этот вопрос, отталкиваясь от предложенной в [Храковский 2015: 326—327] классификации «производных перфективов» в зависимости от их возможностей «реального образования вторичных имперфективов» и семантики последних.

1-я группа включает в себя «стандартные однозначные перфективы, от которых образуются и стандартные имперфективы» [Там же: 326] — тип *переписать*. Очевидно, что глаголы этой группы не могут оказать никакого редуцирующего влияния на общее количество стандартно образуемых НСВ₂, поскольку специфика этой группы заключается именно в 100% образования суффиксальных имперфективов со стандартным значением.

2-я группа — это однозначные перфективы, от которых суффиксальные имперфективы не образуются (утверждение, подкрепляемое ссылкой на [Janda et al. 2013]) — тип *поползти, проморгать* [Храковский 2015: 326]. Эта группа явным образом уменьшает регулярность суффиксальной имперфективации префигурованных перфективов, но, поскольку нас сейчас прежде всего интересует параметр (не)стандартности семантических отношений между СВ и НСВ₂, 2-ю группу можно вывести за скобки.

3-ю группу формируют многозначные перфективы — такие, «вокабула которых включает как минимум два значения, т. е. две лексемы» [Там же]. При этом одна лексема СВ имеет в качестве видового партнера НСВ₁ (например, *пробить* ~ *бить* (о часах)), а вторая лексема СВ образует НСВ₂ по стандартной модели *пробить* ~ *пробивать* (дыру в стене) [Там же: 326—327]. По-видимому, здесь можно ожидать некоторого ущерба для регулярности суффиксальной имперфективации, но исключительно в том случае, если будет установлено, что имеется лексема СВ, которая действительно исключает стандартную семантическую соотносительность с НСВ₂. Для *пробить* ~ *бить* (о часах) картина не столь однозначна, поскольку (хотя и за пределами [НКРЯ]) случаи употребления *пробивать* (о часах) обнаруживаются, ср. (10), (11).

- (10) Часы с боем **пробивают** каждый час такое количество ударов, сколько их есть на циферблате с цифрами от 1 до 12, и по одному разу тогда, когда минутная стрелка указывает на цифру 6 (<http://www.cyberforum.ru/cpp-beginners/thread1398821.html>).
- (11) Ваши часы **будут пробивать** такую мелодическую последовательность (см. ниже нотную запись) {...} (http://clockstudio.ru/article/?ELEMENT_ID=1291)

Немаловажным представляется и еще одно обстоятельство: по-видимому, подобные случаи (установленного отсутствия соотносительности СВ и НСВ₂ со стандартным семантическим соотношением в одной из лексем) не способны значительно уменьшить полученные в [Janda et al. 2013] числа, поскольку при учете полисемии и работе с моносемичными лексемами СВ нам сначала нужно будет увеличить количество рассматриваемых единиц СВ (на разницу между количеством вокабул и различных входящих в них лексем) и лишь после этого оценить случаи соотносительности. То есть если предположить, что в [Ibid.] учитывались вокабулы, то применительно к нашему примеру была принята во внимание одна вокабула *пробить*, соотносимая с *пробивать*, что позволило учесть этот случай как допускающий суффиксальную имперфективацию. Но если пойти по пути учета полисемии, то сначала мы обнаружим, что у нас имеется две лексемы СВ, и затем, к примеру, установим, что лишь одна из них обладает стандартной семантической соотносительностью с НСВ₂, а другая не обладает. В результате мы положим в копилку стандартной соотносительности ту же одну единицу, но уровень соотносительности СВ ~ НСВ₂ изменится за счет увеличения количества лексем СВ и неизменности количества лексем НСВ₂. Однако не исключено, что у большинства (или у всех) добавленных к группе СВ лексем стандартная семантическая соотносительность обнаружится. В таком случае эффект будет обратным. Таким образом, учет полисемичности глаголов данной группы может повлиять на изменение установленного в [Janda et al. 2013] уровня соотносительности СВ и НСВ₂, но как в сторону его снижения, так и в сторону увеличения.

Не способны оказать редуцирующего воздействия на соотносительность СВ ~ НСВ₂ глаголы 4-й группы, уже обсужденной (вместе с 5-й) в разделе 4.1 в связи с понятием лексикализации грамматической формы. Дело в том, что лексикализация (появление нового значения у НСВ₂ и, как результат, образование новой лексемы) добавляет новую лексическую единицу, являющуюся по форме вторичным имперфективом, но уже не соотносимую с исходным для нее префигированным СВ. Следовательно, лексикализация не может изменить общую картину регулярности суффиксальной имперфективации за исключением одного случая — именно того, который помещен в 5-ю группу: отсутствия стандартной семантической соотносительности между СВ и НСВ₂. Соответственно, если пара глагольных форм была подсчитана как стандартная в результате игнорирования семантической несоотносительности, общая картина могла быть искажена в сторону увеличения численности (и доли) стандартных пар СВ ~ НСВ₂. По-видимому, наибольшее внимание при последующих исследованиях этого вопроса нужно уделять именно подобным случаям. Однако при их анализе каждый раз необходимо удостовериться в том, что в текстах действительно отсутствует реализация НСВ₂ со стандартной семантикой. Как было показано выше на примере *заигрывать* (см. раздел 4.1), более тщательная проверка может показать, что мы имеем дело не с представителем 5-й, а с представителем 4-й группы.

4.3. О правиле (не)образования вторичного имперфектива

Как уже было отмечено, вопрос о правиле образования запрета на вторичную имперфективацию видится правильно поставленным и очень важным. Действительно, морфологическое явление, претендующее на статус словоизменительного, должно быть представлено в виде правила (системы правил), не только имеющего отношение к формообразовательному механизму, но и предлагающего экспликацию требований к единицам, поступающим на вход этого механизма. Проще говоря, правило должно описывать «мотивацию существующих запретов» [Храковский 2015: 328] для глаголов СВ, не способных подвергаться суффиксальной имперфективации. Попробуем в той или иной степени ответить на данный запрос.

По-видимому, сформулировать одно правило нам не удастся, потому что здесь проступают контуры целой системы правил. И поскольку в области русского вида мы, по всей

видимости, имеем дело с незавершенной грамматикализацией²², часть этих правил носит нежесткий характер. Однако среди них имеется и один весьма жесткий ограничитель — запрет на третичную имперфективацию, то есть повторное применение суффиксальной имперфективации [Татевосов 2013] (см. также [Горбова 2015а: 17—18]). Запрет этот, впрочем, касается исключительно полипрефиксальных глаголов, уже прошедших вторичную имперфективацию, то есть в обязательном порядке включающих в свой состав внешние префиксы. Следовательно, коль скоро мы уже имеем правило, запрещающее цикличность в применении суффиксальной имперфективации к префигированным глаголам СВ, следует обратиться к потенциальным запретам на суффиксальную имперфективацию единожды префигированных глаголов СВ.

Остановимся на правилах, касающихся внутренних префиксов. Предположительно, они носят нежесткий характер, и относиться к ним нужно примерно так же, как к ограничениям на образование мн. ч. у существительных: потенциально форма множественного числа имеется у каждого русского существительного, ср. «множественное число здесь (у существительных *singularia tantum*. — Е. Г.) носит потенциальный характер: практически оно почти никогда не употребляется, но при необходимости все же может быть построено и будет правильно понято» [Зализняк 1980: 5]. Аналогично и в отношении суффиксальной имперфективации: потенциально от каждого префигированного внутренним префиксом СВ единичным применением механизма суффиксальной имперфективации образуется НСВ₂ (при неизменности запрета на третичную имперфективацию). То есть в распоряжении говорящего всегда (как и в болгарском языке, см. сноску 22) имеется простой инструмент для образования имперфектива от префигированного перфектива суффиксальным способом. Однако трудно не согласиться с тем, что говорящий по-русски, в отличие от говорящего по-болгарски, пользуется указанным морфологическим механизмом не столь последовательно, употребляя в своей речи (квази)синонимичный суффиксальному имперфективу имперфектив-симплекс. По каким причинам это происходит, еще предстоит установить, однако, на мой взгляд, соответствующая причина (или причины) носит скорее прагматический (или, возможно, морфонологический), а не морфосинтаксический или же семантический характер.

На данный момент можно предложить лишь самый предварительный перечень гипотетических «нежестких» ограничений на образование (точнее, употребление) суффиксальных имперфективов:

- а) употребление образованного по обычному правилу НСВ₂ со стандартным имперфективным значением затруднено вследствие имевшей место деграмматикализации (иначе — лексикализации) соответствующего вторичного имперфектива (этим частично объясняются случаи, объединенные в [Храковский 2015] в уже упомянутые 4-ю и 5-ю группы; см. выше анализ суффиксального имперфектива *заигрывать*);

²² Ср. с данной Ю. С. Масловым оценкой места суффиксальной имперфективации в болгарском языке, хотя и не сформулированной в терминах теории грамматикализации, но дающей представление о степени регулярности этого механизма: «⟨...⟩ в болгарском почти безраздельно господствующим типом оказалась суффиксальная имперфективация. От любой основы СВ — если отвлечься от некоторых вполне определенных морфологических исключений... — свободно образуется основа НСВ с суффиксом имперфективации. ⟨...⟩ [Приведем] примеры глаголов с так называемыми пустыми приставками вроде *напиша* ‘написать’ — *написвам*, *направя* ‘сделать’ — *направлям*, *пожела* ‘пожелать’ — *пожелавам* и т. п.» [Маслов 2004: 122]. Кроме того, Маслов настаивал на «отрицательном (нулевом) обозначении СВ в перфективах, соотносительных с вторичными имперфективами»: «[П]одлинное различие между противопоставленными основами НСВ и СВ состоит ⟨...⟩ в наличии/отсутствии суффикса имперфективации. Здесь, как и в бесприставочных глаголах, НСВ обозначен этим суффиксом, а СВ — отсутствием суффикса. Приставки же выражают способ действия, предельность, те или иные пространственные значения, но к виду как таковому отношения не имеют» [Там же: 123—124]. Аналогичное решение см. в [Мучник 1971: 131—132], усматривавшем «нулевой видовой аффикс» в форме *восстановил* на фоне «аффиксальной формы» *восстанавливал*.

- б) при наличии у (потенциального) вторичного имперфектива квазисинонима — симплекса НСВ₁ (то есть в случае наличия биимперфективной тройки), НСВ₂ может либо не появляться вовсе, ср. *строить дом ~ построить дом ~ *постраивать дом*²³ (или быть крайне ограниченным в своем употреблении: *часы бьют полночь ~ ?часы пробивают/пробивали/будут пробивать полночь*, см., впрочем, примеры (10)—(11)); либо НСВ₂ существенно проигрывает в употребительности своему «джокеру» — однокоренному НСВ₁, ср. *петь куплеты ~ пропевать куплеты, рвать волосы ~ вырывать волосы*.

4.4. Другие болевые точки русской аспектологии

В обсуждаемой статье В. С. Храковского были обозначены еще три болевые точки русской аспектологии, каждая из которых одновременно является аргументом против словоизменительной трактовки русского вида. Это проблема лексикографического представления видовых форм, общеаспектологическая (или даже общеморфологическая) проблема взаимной сочетаемости словоизменения и словообразования и проблема взаимоотношения первичного и вторичного имперфектива в биимперфективной тройке. В этом подразделе ставится задача по возможности кратко отразить наше видение поставленных проблем.

Начнем с биимперфективных троек, поскольку именно к этому вопросу нас подводит последнее из сформулированных выше нежестких правил, ограничивающих употребление суффиксальных имперфективов. Обсуждение этой проблемы в [Храковский 2015: 330—332] приводит автора к следующему выводу: «первичный и вторичный имперфективы в конвенциональных тройках не исключают, а дополняют друг друга. У этих глаголов дополняющие друг друга наборы аспектуальных значений, которые в принципе может иметь глагол НСВ» [Там же: 332]. Основной же пункт полемики с моей позицией по вопросу биимперфективных троек, выраженной в [Горбова 2014; 2015а], сводится к тому, что я склонна выводить первичный имперфектив за пределы видового словоизменения, полагая, что каждый раз в биимперфективной тройке избыточен именно НСВ₁. Считаю необходимым пояснить свою точку зрения. Представляется совершенно справедливым утверждение относительно взаимного дополнения наиболее характерных для первичного и вторичного имперфективов наборов частных значений таким образом, что совместно они дают максимально возможный для НСВ ассортимент значений. Однако оно никак не противоречит выведению первичного имперфектива за пределы наиболее грамматикализованного словоизменительного фрагмента русского вида. Как я старалась показать в посвященном сопоставительному анализу семантики и акциональности обоих имперфективов разделе работы [Горбова 2015а: 25—31], семантические «предпочтения» каждого из имеющихся русских имперфективов обусловлены, главным образом, их акциональными характеристиками, которые, в свою очередь, в немалой степени объясняются их морфологической структурой (еще один важный фактор — контекст и, прежде всего, наличие пациентивного участника с такими его характеристиками, как (не)референтность и единичность или множественность). Отсюда и склонность НСВ₁ выражать актуально-длительное значение (при единичности ситуации), и отмеченная в [Храковский 2015: 332] склонность НСВ₂ к выражению так называемых «тривиальных» значений, итеративного и изобразительного, а также свойственная для вторичного имперфектива затрудненность выражения «нетривиального» актуально-длительного значения. Дело в том, что НСВ₂, имея в своем составе телисизирующий префикс (и включив тем самым в свою семантику результирующее подсобытие), реализует после введения в свою структуру суффикса имперфективации исключительно стандартные имперфективные значения (за пределами случаев лексикализации формы), которые являются

²³ Впрочем, такая форма зафиксирована в слове В. И. Даля [1880—1882]: «постраивать, строить помаленьку, исподволь. *Сосед у себя все **постраивает** что-то*» (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/329278>).

следствием введения в окно наблюдения срединной стадии предельной ситуации (подробнее об условиях реализации вторичными имперфективами значений из имперфективного набора см. в [Горбова 2015a]). Первичные же имперфективы принадлежат в основном к акциональным классам состояний и непредельных процессов (*знать, думать, (что), иметь, брезговать и катить, плакать, ворошить* соответственно), в акциональный рисунок которых, собственно, только срединная стадия ситуации и входит, поэтому они идеально приспособлены для выражения актуально-длительного значения.

Таким образом, верным оказывается утверждение, что первичный и вторичный имперфективы реализуют весь имперфективный спектр значений совместно. Но это обстоятельство никоим образом не препятствует словоизменительной трактовке суффиксальной имперфективации, бинарности получаемой оппозиции СВ ~ НСВ₂ и выведению за ее пределы первичных имперфективов, поскольку у последних нет хоть сколько-нибудь регулярной морфологической соотносительности с производимыми от них префиксальным способом СВ, с одной стороны, и поскольку наиболее предпочтительный для них набор аспектуальных значений обеспечивается их (преимущественной) непроектируемостью и принадлежностью к акциональным классам состояний и непредельных процессов, с другой. То есть предпочтительное значение (или значения, если включать, кроме актуально-длительного, например, свойственное состояниям постоянно-непрерывное и реляционное) обеспечивается не морфологическим, а лексическим видом. При этом функционирование обоих имперфективов (в смысле их сочетаемостных и иных особенностей, в частности отношения к грамматикам императива и прохитива), действительно, оказывается весьма сходным, а в некоторых случаях и идентичным (ср. с результатами исследования грамматических профилей первичных и вторичных имперфективов в [Janda, Lyashevskaya 2011]).

Отметим также, что такое последствие принятой трактовки, как увеличение количества (словоизменительно) несоотносительных по виду глаголов, не представляется существенным, особенно если учитывать потенциальную способность образования по модели суффиксальной имперфективации форм для всех (единожды) префиксированных (лексическими префиксами) перфективов. Думается, что общую аспектуальную картину и словоизменительный механизм в сфере глагольного вида можно сравнить с общей картиной отношения имен существительных к исчисляемости и словоизменительной категории числа. *Солома* и *картофель* не имеют реальных форм мн. ч. (и вообще чужды идее счета, хотя и функционируют как формы ед. ч., о чем говорит их сочетаемость: *колючая солома, отборный картофель*), пока не пройдут процесс деривации и не включат в свою основу показатель сингулятивности *-ин-*, после чего получают обычную (регулярную) соотносительность по числу: *соломина ~ соломины, картофелина ~ картофелины*. Аналогично так называемые первичные имперфективы (*сидеть, лежать, знать*) не имеют возможности реализовать стандартное видовое противопоставление и получают ее только после префиксальной деривации: *отсидеть ~ отсиживать (ногу; весь день за партией), пролежать (все воскресенье на диване) ~ пролеживать (каждое воскресенье на диване); узнать ~ узнавать (новости; что)*.

Обратимся теперь к проблеме лексикографического представления глагола и обсудим, усложняется ли словарное представление русского глагола при предлагаемой словоизменительной трактовке вида. Оттолкнемся от поставленного вопроса: «Если все-таки рассматривать члены пар перфектив — вторичный имперфектив видовыми партнерами в рамках словоизменительной категории вида, то тогда возникает вопрос о том, какая форма глагола, имеющего эту категорию вида, должна представлять этот глагол в словаре?» [Храковский 2015: 329]. Ниже предлагается ответ на этот вопрос.

Поскольку основа префиксированного СВ является производящей, то есть исходной, при суффиксальной имперфективации, именно она и должна представлять глагол как лексему в словаре. Таким образом, учитывая традицию русской лексикографии представлять глагольное слово в форме инфинитива, в заголовке словарной статьи, при условии реализации в форме соответствующего НСВ₂ стандартного имперфективного значения, должен быть

представлен (префигированный) инфинитив СВ, например переписать. В случае же лексикализации (деграмматикализации) вторичного имперфектива (и только в этом случае) в словарь в качестве отдельной лексической единицы вводится вторичный имперфектив (так следует поступать с глаголами 5-й группы, выделенной в [Храковский 2015: 327], если будет установлено, что они не реализуют соотносительных с СВ и стандартных для НСВ₂ значений). Остальные вторичные имперфективы могут быть включены в словарь в качестве заголовков отдельных статей для удобства пользователя, но содержание такой статьи может быть ограничено лишь грамматической информацией о виде и отсылкой к основной форме — соответствующему инфинитиву СВ, например: переписывать — несов. к переписать. Симплексы — как формально НСВ (типа *пить, крыть*), так и формально СВ (типа *дать*) — в обязательном порядке должны возглавлять словарные статьи, при них нужно указывать их видовую характеристику (в терминах СВ vs. НСВ) либо их акциональную характеристику в терминах избранной номенклатуры акциональных классов (к примеру, принятой в [Анна Зализняк, Шмелев 2000; Плунгян 2011]: состояние, (не)предельный процесс, событие). В последнем случае в правилах пользования словарем необходимо указать на соответствие акциональных ярлыков аспектуальным: состояния и (не)предельные процессы функционируют как НСВ, события — как СВ²⁴. Также в качестве отдельных словарных статей нужно давать все полипрефиксальные глаголы СВ, не допускающие (в силу действия запрета на третичную имперфективацию) соотносительных имперфективов, и при этом в обязательном порядке указывать на их видовую несоотносительность, например: наоткрывать — только сов. вид. Наконец, следует отмечать способность первичного имперфектива играть роль «джокера» по отношению к однокоренному вторичному, указывая на их (квази)синонимичность, точно так же, как следует указывать (как это традиционно и делается) на префигированный однокоренной СВ, способный быть видовым партнером к описываемому в данном случае первичному имперфективу.

Приведем пример реализации этих предложений, взяв за основу фрагмент словарной статьи первичного имперфектива (симплекса) *бить* из МАС²⁵ (в этом словаре у данной полисемичной вокабулы выделяется 11 значений, ограничимся здесь тремя: 2-м, 3-м и 6-м; разрядкой выделены наши добавления в текст словаря):

2. (сов.) побить, (синоним. несов.) побивать *перех.* Наносить удары, побои; избивать. А)²⁶ Если вы **бьете** вашего ребенка, для него это во всяком случае трагедия. Макаренко, «Книга для родителей».
- Б) — Потому что я буду боксером и буду всех **побивать** [Виктор Драгунский. Денискины рассказы/ Друг детства (1963)].
- Значит, папаша молод и пьян, и куда-то едет с деткой в машине, — слава Богу, машину ведет приятель, и где-то за городом, в середине пути, папаша ссорится с сыном и немножко так **побивает**, несильно так — синяки, ссадины [Е. Долгинова. Дело Павлика Моро // «Русская жизнь», 2012].

²⁴ Практически аналогичные утверждения находим в [Анна Зализняк, Шмелев 2000: 36], ср.: «Глаголы сов. вида всегда обозначают события (можно сказать, что они предназначены для обозначения событий), а глаголы несов. вида могут обозначать любое из трех типов явлений: состояния (*умирает* от нетерпения, *хворает*, чего-то *ждет*), процессы (*кипит*, *беседует* с приятелем, долго *пишет* письмо) и события (внезапно *понимает*, каждый день *приходит*)». Как несложно заметить, мое предложение отличается отсутствием соотносимости класса событий с НСВ, однако это закономерно, поскольку такая соотносительность характерна для НСВ₂, а в обсуждаемом случае речь идет о симплеках, то есть НСВ₁.

²⁵ В выборе глагола и словаря мы также идем вслед за В. С. Храковским [2015: 324—325], анализирувавшем на примере представления вокабулы *бить* в МАС возможности приставочной перфективации ее лексем. Ранее многозначный симплекс *бить* и его приставочные дериваты, но на базе словаря Ушакова, анализировался также в [Мучник 1971: 117—118].

²⁶ Здесь и ниже примеры А) взяты из МАС, примеры Б), иллюстрирующие употребление квазисинонимичного вторичного имперфектива, — из основного корпуса [НКРЯ].

3. (сов.) побить, (синоним. несов.) побивать *перех.* Наносить поражение, победить; одерживать верх в чем-л.

А) *Бить врага.* — А ты, Фома Ильич, помнишь всех генералов, которых мы **били** под Львовом? Вс. Иванов, «Пархоменко».

Б) *Три года назад российский кинематограф, отказавшийся от напрасной амбиции одолеть Голливуд на земле, внезапно получил шанс побить конкурента там, где русские издревле **побивали** американцев, — в космосе* [М. Кувшинова. Сибирско-марсианский экспресс // «Известия», 2003.01.14] <...>

6. (сов. *разбить*), (синоним. несов.) разбивать *перех.* Дробить на мелкие части, размельчать.

А) *Дети колхозников сидели на корточках и смотрели, как дорожники ловко **бьют** камни.* Лидин, «Дорога в горах».

Б) *Он видел, как на пожоге обжигают руду; потом, как мальчики его возраста **разбивают** ее на мелкие куски, а потом эту измельченную руду свозят на верх доменной печи и засыпают вперемежку с углем* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Под домной (1891)].

Относительно еще одной проблемы — уже не двух инфинитивов, а двух частично различающихся парадигм, характерных для формально (или функционально) совершенного и несовершенного вида (в частности, наличие синтетического будущего у СВ и аналитического у НСВ, отсутствие формы презенса у СВ и ее наличие у НСВ) — отметим следующее. Факт несовпадения заполненных клеток парадигмы в русской аспектологии оценивается диаметрально противоположно. Если в [Анна Зализняк, Шмелев 2000: 14—15] он назван одним из аргументов в пользу словоизменительной трактовки русского вида²⁷, то в [Храковский 2015: 329] — одним из аргументов против словоизменительного характера соотношения форм СВ и НСВ₂. Более убедительной представляется позиция, в соответствии с которой две неполные парадигмы рассматриваются как две составляющие единой парадигмы, поскольку другим способом целостную темпоральную парадигму русского глагола получить не удастся. (Причем это верно и при построении альтернативной, «неклассической», модели русского времени, при которой настоящее время трактуется как нейтральное и репрезентируется обеими видовыми формами — *ударяет*^{НСВ} и *ударит*^{СВ}, в то время как будущее оказывается представленным только НСВ: *будет ударять*, см. [Перцов 1998; 2001: 147—152].)

Последний аргумент против предлагаемой словоизменительной трактовки русского вида и в пользу его (слово)классифицирующей трактовки «заключается в том, что вид как (слово)классифицирующая категория может комбинироваться в языке с видом как словоизменительной категорией» [Храковский 2015: 330]. Иллюстрируется это положение материалом болгарского языка, а именно глагольными формами, которые репрезентируют комбинации (синтетического) аориста и (приставочного) перфектива (*написах* — AOR.PRPF), аориста и первичного имперфектива (*писах* — AOR.IMFV), (синтетического) имперфекта и перфектива (*напиших* — IPF.PRPF), имперфекта и имперфектива (*пиших* — IMF.IPFV).

Несомненно, все эти комбинации в болгарском языке имеют место. Однако остается не совсем понятным, а) верно ли, что из факта иллюстрации возможных в болгарском языке комбинаций оппозиций перфектив ~ имперфектив и аорист ~ имперфект исключительно первичными вытекает невозможность комбинации с аористом и/или имперфектом вторичного имперфектива? б) почему следствием возможности подобных

²⁷ «Ни глаголы сов. вида, ни глаголы несов. вида сами по себе не обладают полным набором грамматических форм: у глаголов сов. вида отсутствует форма настоящего времени, у глаголов несов. вида — форма простого будущего» [Анна Зализняк, Шмелев 2000: 14]. И этот факт не может трактоваться как дефектность некой конкретной парадигмы конкретной единицы, данная неполнота характерна для единиц всего грамматического класса, то есть здесь мы имеем дело с «отсутствием соответствующих клеток» [Там же: 15].

комбинаций с неизбежностью является вывод, что комбинируются именно различные — (слово)классифицирующая и словоизменительная — категории, и не можем ли мы трактовать эти примеры как случаи комбинации двух словоизменительных категорий?

Ответ на первый вопрос очевидным образом должен быть отрицательным, ср. наличие вторичных имперфективов в форме аориста и имперфекта в примерах ниже²⁸. В (12) представлена «минимальная пара»: аорист префигированного перфектива и парного к нему (также префигированного) имперфектива, в (13) глагольная словоформа *вслушваше* — это форма имперфекта от вторичного имперфектива, содержащая самый употребительный в болгарском языке вариант суффикса имперфективации *-ва-*, см. [Маслов 1981: 203—204].

- (12) *Що т'й се забáви?.. Мар'ийка к'сно ли те намер'и*^{AOR,PRF}? — *Ко'я Мар'ийка?* — *Кáк? Не намирá*^{AOR,IMFV} *ли те т'я?* (Ивáн Вазóв)

‘Что ты так задержался? Марийка поздно тебя разыскала? — Какая Марийка? — Как? Она тебя вообще не нашла?’ [Маслов 1981: 249]

- (13) *Тóй се вслушваше*^{IMF,IMFV} *в ст'пките им, докато загл'хнеха*^{IPF,PRF} *в нощта* (Сто'ян Доскалóв)

‘Он вслушивался в их шаги, пока они, бывало, не заглохнут в темноте’ [Маслов 1981: 252].

Итак, болгарские вторичные имперфективы могут стоять в формах аориста и имперфекта, причем как одна, так и другая аспектуальная оппозиция рассматриваются в качестве словоизменительных²⁹. При этом очевидно, что показатели обеих аспектуальных оппозиций являются аффиксальными, а результирующие формы глагола, следовательно, — синтетическими. Таким образом, у нас нет никаких оснований выводить из болгарского материала (то есть из факта комбинирования членов оппозиции перфектив ~ имперфектив, с одной стороны, и имперфект ~ аорист, с другой) неизбежность (слово)классифицирующей сущности одной из двух вступающих во взаимодействие оппозиций.

Кроме того, способностью к комбинированию двух аспектуальных оппозиций обладает не только такой южнославянский язык, как болгарский, но и (что даже более широко известно) такие представители германской и романской групп языков, как английский и испанский. Первый, как известно, допускает комбинирование граммем перфекта и прогрессива, имеющих аналитические показатели (*He has been working*^{PRF,PROG} *since 9 o'clock* ‘Он работает с 9 часов’), а второй, демонстрируя большую близость к болгарской ситуации, — граммем имперфекта (или аориста) и прогрессива (исп. *estuvo limpiando*^{AOR,PROG} *(una ventana)* ‘(он/а) некоторое время мыл(а) (окно)’ — *estaba limpiando*^{IMF,PROG} *(una ventana)* ‘(он/а) мыл(а) (окно)’); об испанских комбинированных формах см. в [Горбова 2009]). Единственное отличие, которое мы наблюдаем между взаимодействием двух словоизменительных аспектуальных оппозиций в болгарском и испанском языках, заключается в том, что во втором случае граммема с аффиксальным показателем (аорист или имперфект) комбинируется с граммемой, показателем которой является служебный глагол (прогрессив), то есть синтетический способ кодирования совмещен с аналитическим.

Из этого обсуждения вытекает, что сам факт комбинирования граммем из двух различных (в частном случае, аспектуальных) оппозиций не служит доказательством того, что одна из оппозиций должна быть охарактеризована как (слово)классифицирующая. И если

²⁸ Примеры заимствованы из [Маслов 1981].

²⁹ Именно такая трактовка характерна для Ю. С. Маслова, ср.: «Так называемая “перфективация” трактуется как побочный продукт словообразовательного процесса... Напротив, имперфективация, образование вторичного имперфектива, рассматривается здесь как явление формообразования, как создание словоформ нсв. для глагола, уже имеющего формы св. (или иногда, как создание более отчетливых форм нсв. для глагола, имеющего совпадающие, омонимичные формы обоих видов)» [Маслов 1981: 191].

приведенных языковых фактов, вообще говоря, недостаточно для того, чтобы утверждать, что в таких случаях как раз более высока вероятность совмещения двух словоизменительных оппозиций (неважно, синтетических или аналитических по технике кодирования), то, по-видимому, нет и оснований считать, что одна из оппозиций в таких случаях в обязательном порядке носит классификационный характер.

5. Об общепринятых в русской аспектологии положениях

Наконец, хочется остановиться и на предложенном в самом начале публикации [Храковский 2015] перечне общепринятых для русской аспектологии утверждений. На мой взгляд, представление о том, что включенные в этот перечень утверждения разной степени обобщенности являются бесспорными для аспектологов, все же излишне оптимистично. В качестве подтверждения приведем два примера. Первое утверждение — «У глагола есть бинарная категория вида, иначе аспекта» [Там же: 321] — явным образом ставится под сомнение в докладе Д. В. Герасимова, прочитанном на той же конференции в Киото, и, соответственно, отраженном в [Герасимов 2015]. Еще одно утверждение (номер 5) — «Видообразование происходит при помощи двух морфологических механизмов: префиксального и суффиксального» [Храковский 2015: 321] — расходится со взглядами С. Г. Татевосова, ср., в частности, утверждение «видовая семантика не является семантическим компонентом таких основ, как *писа-* и *написа-*» [Татевосов 2015: 272, 277—279]. Однако если полемика с мнением С. Г. Татевосова относительно русских аспектуальных показателей (вернее, их отсутствия) здесь явно неуместна, поскольку этот объемный вопрос потребует серьезного обсуждения, то выражение отношения к не менее сильно порывающим с традицией подходом Д. В. Герасимова представляется несколько более реалистичной задачей.

В [Герасимов 2015] на основе авторского перечня «болевых точек» (проблемных мест) традиционной трактовки русского вида как бинарной грамматической категории³⁰ предлагается совершенно новый подход к аспектуальной зоне русского глагола: «русский вид не является грамматической категорией, но складывается из взаимодействия (в смысле [Храковский 1990]) целого ряда (более десятка) различных категорий, большинство из которых являются квазиграммемами, состоящими в привативной оппозиции с собственным отсутствием, и имеют единственный (с точностью до алломорфии) экспонент» [Герасимов 2015: 51]. Далее автор отмечает, что «наиболее регулярной и легко выделяемой среди них (за счет широкой сочетаемости) является имперфективатор *-ыва-*» [Там же]. Кроме того, автор проводит аналогию между устройством видового противопоставления в русском языке и устройством синтаксической переходности в (прежде всего) агглютинативных языках: и в том и в другом случае глагольная словоформа может быть охарактеризована в терминах бинарных оппозиций (перфектив ~ имперфектив и переходный ~ непереходный), в обоих случаях существуют лабильные глаголы (в сфере вида — двувидовые), в области синтаксической переходности также имеются способы изменить данную характеристику (при помощи категорий актантной деривации), что сопоставимо с различными способами изменения видовых свойств глагола с помощью (им)перфективирующих аффиксов, подобно видовым парам в области переходности выделяются пары глаголов, соотносимые

³⁰ Среди них: несоответствие определению грамматической категории (ГК) в смысле трудностей при выделении взаимоисключающих значений, которые (по определению ГК) должны входить в набор обязательных для выражения некоторыми формальными показателями; формальная неоднородность показателей, дистрибуция которых не сводится к алломорфии; наличие троек, что вступает в серьезное противоречие при словоизменительной трактовке вида как бинарной категории; нерешенность вопроса о том, являются ли аспектуальными показателями тематические суффиксы симплексов (типа *знать, делать*); проблематичность трактовки префиксов как показателей перфективности; факты сочетаемости показателей противоположных видов в рамках словоформы в результате последовательного их вхождения при деривации, см. [Герасимов 2015: 49—51].

по переходности (каузатив и антикаузатив), причем эта способность организоваться в пары не распространяется на всю глагольную лексику [Там же].

Как отмечает автор обсуждаемой концепции, наименьшие расхождения предложенная им трактовка русского вида обнаруживает с тем вариантом словоизменительного подхода к оппозиции СВ ~ НСВ, которому посвящена настоящая статья. Ср.: «[п]одход, наиболее близкий к нашему, предлагается в [Горбова 2014; 2015а], где постулируется бинарная словоизменительная категория вида, ограниченная случаями суффиксальной имперфективации, и вводится понятие единого префиксального форманта-перфективатора, относящегося к сфере словообразования» [Герасимов 2015: 51]. Последнее понятие, впрочем, не представляется автору полезным.

Преимущества предложенной трактовки устройства аспектуальной зоны русского языка (как совокупности квазиграммем) ее автор видит в том, что снимается необходимость выбора в пользу словоизменительной или (слово)классифицирующей трактовки русского вида, а также — в значительной степени — лишаются основания споры об адекватности такого типичного для славянской аспектологии теоретического конструкта, как видовая пара. Кроме того, акценты смещаются в сторону изучения сочетаемости различных аффиксов с аспектуальной семантикой, прежде всего префиксов (тематика, активно и успешно развиваемая в последние годы в работах С. Г. Татевосова, см. [Татевосов 2009; 2013; 2015; Киселева, Татевосов 2015]). Еще одно отмечаемое Д. В. Герасимовым преимущество носит типологический характер: русский вид оказывается не столько особым видом «славянского типа» (см. [Dahl 1985]), сколько приобретает типологически более предсказуемые черты, поскольку «обнаруживает значительно больше сходства с видо-временными системами других языков мира, в которых широко используются комбинируемые друг с другом аспектуальные квазиграмлемы» [Герасимов 2015: 52].

Выскажем несколько соображений в связи с предложенной трактовкой русского вида как совокупности квазиграммем, в том числе в связи с ее зафиксированными преимуществами. Прежде всего, заметим, что последнее преимущество — меньшая типологическая специфичность русского вида и возможный отказ от понятия вида «славянского типа» — достижимо и в том случае, если мы принимаем трактовку морфологии оппозиции СВ ~ НСВ как словоизменительной, имея в виду регулярность суффиксальной имперфективации (то есть сужая морфологию вида до СВ ~ НСВ₂). При таком ограничении мы также избавляемся от всех тех проблем, которыми характеризуется традиционный (под традицией здесь понимается концепция, принятая в [РГ-80]) подход (см. сноску 30). Аффиксальная (точнее, суффиксальная) морфология противопоставлений типа *подписать* ~ *подписывать*, *задать* ~ *задавать* если в чем-то и отличается от морфологии противопоставлений типа исп. *cant-aba*^{IMF} ‘пел(а)’ ~ *cant-ó*^{AOR} ‘(с-/за-/про-)пел(а)’, то охватом глагольной лексики: этот охват тотальный в случае испанского противопоставления и не тотальный (на данный момент в кодифицированном варианте языка), хотя и охватывающий существенную часть глаголов, в случае русского языка³¹. Второе очевидное отличие — два инфинитива в первом случае и две финитные формы во втором — обусловлено только ограниченностью сферы действия оппозиции имперфект ~ аорист, которая, как известно, локализована в сфере претерита, где реализуются исключительно финитные формы (так же обстоит дело и в болгарском языке). Но если обратиться к оппозиции прогрессив ~ непрогрессив (первая граммема, или квазиграммема, имеет аналитическую форму) в таких языках, как, например, английский или испанский, то мы обнаружим, что не ограниченный рамками

³¹ Ср. с высказыванием Ю. С. Маслова, сделанным по этому поводу в 1963 г.: «...в индивидуальной речи нередко встречаются такие образования с суффиксами имперфективации, которые не фиксируются словарями; вообще потенциальная возможность этих образований значительно шире их реальной зафиксированности в словарях и даже в картотеках больших словарей славянских языков» [Маслов 1963б: 211]; также см. диахроническое исследование на базе [НКРЯ] в [Горбова 2015а] и обсуждение регулярности в разделе 4.2.

претеритальной сферы прогрессив также дает нам второй инфинитив: англ. *to be writing*^{INF.PROG} ~ *to write*^{INF.NONPROG}, исп. *estar escribiendo*^{INF.PROG} — *escribir*^{INF.NONPROG}, семантика в обоих случаях — ‘писать’. Примечательно, что никаких дискуссий по поводу того, какой из этих двух инфинитивов следует использовать в качестве представителя лексемы в заголовке словарной статьи, не возникает: статью возглавляет морфосинтаксически более простая форма — синтетический инфинитив, из которого по общему правилу выводится инфинитивная же (аналитическая) форма прогрессива.

За исключением отсутствия указанного преимущества в большей «типологичности» представления русского вида при его моделировании как набора квазиграммем (поскольку таким же преимуществом обладает и предлагаемая здесь словоизменительная трактовка механизма суффиксальной имперфективации), сформулированное в [Герасимов 2015] предложение представляется в высокой степени интересным и достойным внимания. Ограничимся двумя дополнительными комментариями относительно этой базирующейся на понятии квазиграммемы теоретической модели.

Квазиграмма — это «недограмма»: одиночное обязательно выражаемое грамматическое значение, не имеющее противочлена, см. [Мельчук 1997: 286—288; Перцов 2001: 84—85; Плунгян 2011: 66—70], что предполагает как отсутствие противопоставленной формы с эксплицитным показателем, так и отсутствие противопоставленной семантики. Если противопоставленная семантика есть, но она не выражена эксплицитным показателем, обычно постулируется наличие нулевого показателя (показателя с пустым означающим [Мельчук 2001: 25]). Семантика, противопоставленная стандартному имперфективному значению вторичного имперфектива, у русского приставочного СВ имеется — это единичное соотносительное с пределом событие, имеющее срединную стадию (во всех случаях, кроме моментативов). Из наличия противопоставленной семантики вытекает, что следует постулировать наличие нулевого показателя (см. изложение этой логики в [Bybee 1994]) — показателя перфективности у префигурированного СВ³², появление которого соотносимо с вхождением в словоформу на предшествующем этапе деривации (внутреннего) префикса-телизатора³³. Таким образом, представляется, что трактовать русский имперфектив (НСВ₂) как квазиграмму — это некоторое понижение в статусе этой формы, следствием чего является «утрата» грамматической словоизменительной категории вида.

Второй комментарий имеет отношение к различию в степени регулярности между вторичными имперфективами и всеми остальными кандидатами на статус аспектуальных квазиграммем. Существенно большая регулярность первого механизма базируется на отсутствии семантических препятствий для суффиксальной имперфективации префигурированных перфективов, то есть его меньшей обусловленности лексической семантикой глаголов. На мой взгляд, это обстоятельство также не позволяет принять предложенную модель русского вида как набора аспектуальных квазиграммем безоговорочно, и оговорка вновь должна быть сделана по поводу особого положения полученных путем суффиксальной имперфективации

³² Достаточно отчетливо выразил эту мысль Ю. С. Маслов: «Подписать, разругать, догореть и т. д. перфективны потому, что рядом существуют подписывать, разругать, догорать и т. д. Традиционная грамматика считает в таких случаях приставку положительным “знаком” перфективности. Но такая точка зрения не выдерживает критики: ведь приставка есть и в имперфективной форме. Единственное формальное различие между двумя противопоставленными основами состоит здесь в наличии — отсутствии суффикса имперфективации. Таким образом, в этих случаях приставка не должна и не может учитываться при анализе соотношения между членами видовой оппозиции: это соотношение остается тем же, что и в бесприставочных глаголах [типа *решишь* — *решишь*, о которых чуть выше сказано, что в «*решишь*» вид выражен положительно, суффиксом имперфективации *-а-*, тогда как в *решишь* — отрицательно, нулевой морфемой]. — Е. Г.]. Здесь, как и там, несовершенный вид выражен суффиксом имперфективации, а совершенный — исключительно отсутствием этого суффикса» [Маслов 1963б: 215—216].

³³ См., впрочем, аргументацию против описания видообразования с использованием нулевых аффиксов в общем случае в статье [Мельчук 2016: 13—14].

НСВ₂. Впрочем, выделение на общем фоне квазиграммем именно этого механизма, в силу того, что соответствующий показатель, «имперфективатор *-ыва-*», является «наиболее регулярным» [Герасимов 2015: 51], мы видим и у самого автора обсуждаемой концепции.

В общем, предложенный в [Герасимов 2015] подход представляется весьма любопытным и вполне приемлемым, но, как кажется, несколько перегибает палку в противоположную относительно традиционного подхода сторону — в сторону уменьшения регулярности и снижения степени грамматикализованности (отдельных участков) русской аспектуальной зоны.

6. Заключительные замечания

Итак, обозначив проблематику обсуждения в разделе 1, пояснив свою позицию в разделе 2 и перечислив в разделе 3 выдвинутые в [Храковский 2015] аргументы против словоизменительной трактовки суффиксального механизма имперфективации русского глагола, мы последовательно рассмотрели их в разделе 4, обратившись под конец к представленным в [Там же] в качестве общепризнанных в русской аспектологии общим утверждениям и, оттолкнувшись от одного из них, закончили в разделе 5 анализ «болевых точек» русского вида критическим обсуждением второго их перечня, предложенного в [Герасимов 2015] вкупе с выдвинутой там же теоретической моделью русского вида как совокупности квазиграммем с аспектуальной семантикой.

Основной задачей проведенного обсуждения было представление (дополнительной) аргументации в пользу словоизменительного характера суффиксальной (вторичной) имперфективации, обоснования ее статуса как центрального и консолидирующего участка русского видообразования. (При этом окончательная оценка морфологии русского вида должна быть, по-видимому, дана в рамках общелингвистической теории парадигм.) Попутно были высказаны некоторые соображения относительно понятия морфологической (не)регулярности, а также сопряженности комбинаторных возможностей различных (принадлежащих различным оппозициям) аспектуальных граммем и словоизменительного/(слово)классифицирующего характера соответствующих категорий и внесен ряд предложений о лексикографической подаче русских глаголов с учетом их аспектуально-морфологических и семантических особенностей. Нуждающейся в дополнительной проработке следует признать лишь эскизно очерченную в 4.3 систему правил, ограничивающих механизм суффиксальной имперфективации. Таким образом, полная экспликация словоизменительного механизма русского вида и остающихся за его пределами несоотносительных имперфективов и перфективов остается делом будущего, так же, впрочем, как и его исчерпывающая характеристика и оценка в типологическом ракурсе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Быков 2016 — Быков Д. Л. Тринадцатый апостол. Маяковский: мистерия-буфф в шести действиях. М.: Молодая гвардия, 2016.
- Даль 1880—1882 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880—1882 // <http://slovar-dalja.ru/>
- МАС — Евгеньева А. И. (ред.). Словарь русского языка в 4-х томах (Малый академический словарь). 2-е изд. М.: АН СССР, Ин-т РЯ, 1981—1984 // <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=240>
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
- Ефремова 2000 — Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 // <http://www.efremova.info/>
- Ожегов, Шведова 1992 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992 // <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244>
- РГ-80 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.) Русская грамматика. Т. 1. М.: РАН, Ин-т РЯ им. В. В. Виноградова, 2005.
- Ушаков 1935—1940 — Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия» (т. 1), Государственное издательство иностранных и национальных словарей (т. 2—4) // <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Герасимов 2015 — Герасимов Д. В. Есть ли в русском языке категория вида? // Китадзё М. (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13—15 ноября 2015 г. Киото: Tanaka Print. С. 49—53. [Gerasimov D. V. Is there the category of aspect in Russian? *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov. Kioto, 13—15 noyabrya 2015 g.* Kitadze M. (comp.). Kioto: Tanaka Print. Pp. 49—53.]
- Горбова 2009 — Горбова Е. В. Акциональная характеристика испанских глаголов, частотно реализуемых в перфективно-имперфективных формах // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 50—71. [Gorbova E. V. Actional properties of perfective-imperfective forms (with reference to Mark Davies' «Corpus of Spanish»). *Voprosy jazykoznanija*. 2009. No. 3. Pp. 50—71.]
- Горбова 2014 — Горбова Е. В. Заметки о видообразовании русского глагола и словоизменительной vs. словоклассифицирующей трактовке вида // Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata. Acta Linguistica Petropolitana*. Вып. X. Ч. 3. СПб.: Наука, 2014. С. 181—211. [Gorbova E. V. Notes on aspectual formation of the Russian verb and on inflectional vs. word classifying interpretation of aspect. *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata. Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. X. No. 3. Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds.). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 181—211.]
- Горбова 2015a — Горбова Е. В. Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация? // Вопросы языкознания. 2015. № 1. С. 7—37. [Gorbova E. V. Aspectual formation of the Russian verb: Prefication or suffixation? *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 1. Pp. 7—37.]
- Горбова 2015b — Горбова Е. В. Словоизменение или словообразование, или является ли русский вид «видом славянского типа»? // Китадзё М. (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13—15 ноября 2015 г. Киото: Tanaka Print. С. 62—72. [Gorbova E. V. Inflection or derivation, or Is the Russian aspect «aspect of Slavic types»? *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov. Kioto, 13—15 noyabrya 2015 g.* Kitadze M. (comp.). Kioto: Tanaka Print. Pp. 62—72.]
- Гришина, Савчук 2009 — Гришина Е. А., Савчук С. О. Корпус устных текстов в НКРЯ: состав и структура // Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 129—149 // <http://ruscorpora.ru/sbornik2008/07.pdf>. [Grishina E. A., Savchuk S. O. Corpus of spoken texts in the Russian National Corpus: Composition and structure. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006—2008. Novye rezul'taty i perspektivy*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009. Pp. 129—149. Available at: <http://ruscorpora.ru/sbornik2008/07.pdf>.]
- Зализняк 1980 — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980. [Zalizniak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka* [A grammatical dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii Yazyk, 1980.]
- Зализняк 2002 — Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Zalizniak A. A. *«Russkoe imennoe slovoizmenenie» s prilozeniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu* [«Russian nominal inflection» with selected works on Modern Russian and general linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.]
- Анна Зализняк 2006 — Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. [Zalizniak Anna A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in language and ways of its presentation]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2006.]
- Анна Зализняк и др. 2010 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Видовая коррелятивность в русском: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 3—23. [Zalizniak Anna A., Mikaelian I. L., Shmelev A. D. Aspectual correlation in Russian: Supporting the notion of «aspectual pair». *Voprosy jazykoznanija*. 2010. No. 1. Pp. 3—23.]
- Анна Зализняк, Микаэлян 2010 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка // Кибрик А. Е. (гл. ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26—30 мая 2010 г.). Вып. 9(16). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 130—136. Статья доступна

- по ссылке: <http://www.dialog-21.ru/media/2769/dialog2010.pdf>. [Zalizniak Anna A., Mikaelian I. L. On the place of aspectual triplets in the aspectual system of the Russian language. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Bekasovo, 26—30 maya 2010 g.). No. 9 (16). Kibrik A. E. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2010. Pp. 130—136. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/2769/dialog2010.pdf>.]
- Анна Зализняк, Микаэлян 2011 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. *Рвать зубы и мыть деньги*: об одном типе употребления бесприставочных имперфективов в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции Диалог-2011. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 725—736. [Zalizniak Anna A., Mikaelian I. L. *Rvat' zuby and myt' den'gi*: One use of simple imperfectives in Russian. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam Mezhdunarodnoi konferentsii Dialog-2011*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2011. Pp. 725—736.]
- Анна Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. [Zalizniak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to the Russian aspectology]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Анна Зализняк и др. 2015 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Zalizniak Anna A., Mikaelian I. L., Shmelev A. D. *Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary* [Russian aspectology: In defense of the aspectual pair]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Исаченко 1954/2003 — Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Т. I—II. М.: Языки славянской культуры. 2003. (Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология. Часть первая. Братислава, 1954.) [Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim. Morfologiya* [Grammatical system of Russian versus Slovak. Morphology]. Vol. I—II. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003. (Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim: Morfologiya*. [Grammatical system of Russian versus Slovak. Morphology]. Part 1. Bratislava, 1954.)]
- Карцевский 1927/1962 — Карцевский С. IV. Вид // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 218—230. (Karcevski S. *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*. Prague: Legiografie, 1927.) [Karcevski S. IV. Aspect. *Voprosy glagol'nogo vida*. Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1962. Pp. 218—230. (Karcevski S. *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*. Prague: Legiografie, 1927.)]
- Киселева, Татевосов 2015 — Киселева К. Л., Татевосов С. Г. Множественная префиксация и деривация видового значения // Китадзе М. (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13—15 ноября 2015 г. Киото: Tanaka Print. С. 91—97. [Kiseleva K. L., Tatevosov S. G. Multiple prefixation and derivation of aspectual meaning. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diahronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov. Kioto, 13—15 noyabrya 2015 g.* Kitadze M. (comp.). Kioto: Tanaka Print. Pp. 91—97.]
- Маслов 1958/2004 — Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 445—476. (Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Доклады IV Международного съезда славистов, М.: АН СССР, 1958. Отд. отт. 39 с.) [Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004. Pp. 445—476. (Maslov Yu. S. The role of the so called perfectivation and imperfectivation in the process of Slavic verbal aspect genesis. *Doklady IV Mezhdunarodnogo s'ezda slavistov*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1958. Offprint. 39 p.)]
- Маслов 1963а — Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. [Maslov Yu. S. *Morfologiya glagol'nogo vida v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke* [Morphology of verbal aspect in Modern Standard Bulgarian]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963.]
- Маслов 1963б — Маслов Ю. С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида // V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963 г.). Славянское языкознание: Доклады советской делегации: М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 197—229. [Maslov Yu. S. The significance of data of the Bulgarian language for the general theory of Slavic verbal

- aspect. *V Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Sofiya, sentyabr' 1963 g.). Slavyanskoe yazykoznanie: Doklady sovetской delegatsii*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. Pp. 197—229.]
- Маслов 1978/2004 — Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 305—364. (Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Маслов Ю. С. (отв. ред.) Проблемы современного теоретического и синхронно-сопоставительного языкознания. Вып. 1: Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 4—44.) [Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004. Pp. 305—364. (Maslov Yu. S. Towards the fundamentals of comparative aspectology. *Problemy sovremennogo teoreticheskogo i sinkhronno-sopostavitel'nogo yazykoznaniiya. Vyp. 1. Voprosy sopostavitel'noi aspektologii*. Maslov Yu. S. (ed.) Leningrad: Leningrad State Univ. Publ., 1978. Pp. 4—44.)]
- Маслов 1981 — Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981. [Maslov Yu. S. *Grammatika bolgarskogo yazyka* [The Bulgarian grammar]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1981.]
- Маслов 1990 — Маслов Ю. С. Вид // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 83—84. [Maslov Yu. S. Aspect. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. Pp. 83—84.]
- Маслов 2004 — Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004. [Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]
- Мельчук 1997 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том I (Введение. Часть первая: Слово). М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener slawistischer Almanach, 2001. [Melčuk I. A. *Kurs obshchei morfologii. Tom I (Vvedenie. Chast' pervaya: Slovo)* [A course in general morphology. Vol. I (Introduction. Part I. The word)]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury. Vienna: Wiener Slawistischer Almanach, 2001.]
- Мельчук 2001 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. IV (Часть пятая: Морфологические знаки). М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener slawistischer Almanach, 2001. [Melčuk I. A. *Kurs obshchei morfologii. T. IV (Chast' pyataya: Morfologicheskie znaki)* [A course in general morphology. Vol. IV (Part V: Morphological signs)]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury. Vienna: Wiener Slawistischer Almanach, 2001.]
- Мельчук 2016 — Мельчук И. А. Формальное выражение вида в русском глаголе // Русский язык в научном освещении. № 1(31). С. 9—23. [Melčuk I. A. Formal expression of aspect in the Russian verb. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 1(31). Pp. 9—23.]
- Милославский 2015 — Милославский И. Г. Видовая принадлежность русского глагола в обеспечении рецептивной и продуктивной речевой деятельности // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. № 1. С. 11—18. [Miloslavskii I. G. Aspectual identity of the Russian verb in supporting receptive and productive speech activity. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp. 11—18.]
- Мучник 1971 — Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971. [Muchnik I. P. *Grammaticheskie kategorii glagola i imeni v sovremennoe russkom literaturnom yazyke* [Grammatical categories of noun and verb in Modern Standard Russian]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Падучева 2015 — Падучева Е. В. О биаспектуальности русского глагола *быть* // Китадзё М. (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13—15 ноября 2015 г. Киото: Tanaka Print. С. 188—196. [Paducheva E. V. On the biaspectuality of the Russian verb *byt'*. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i sstenarii diakhronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov. Kioto, 13—15 noyabrya 2015 g.* Kitadze M. (comp.). Kioto: Tanaka Print. Pp. 188—196.]
- Перцов 1998 — Перцов Н. В. О двух способах описания русской видо-временной системы (к проблеме неединственности грамматических решений) // Московский лингвистический журнал. 1998. Т. 4. С. 69—77. [Pertsov N. V. On two ways of description of the Russian aspectual-temporal system (the problem of nonuniqueness of grammatical decisions revisited). *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. 1998. Vol. 4. Pp. 69—77.]
- Перцов 2001 — Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001. [Pertsov N. V. *Invarianty v russkom slovoizmenenii* [Invariants in the Russian inflection]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2001.]

- Пиперски 2014 — Пиперски А. Ч. О формализации понятия «регулярность» // Одиннадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. СПб: Нестор-История, 2014. С. 125—127. [Piperski A. Ch. On formalization of the notion of regularity. *Odinnadtsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Tézisy dokladov*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. Pp. 125—127.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Риехакайнен 2014 — Риехакайнен Е. И. Видовые пары глаголов и ассоциативные связи в ментальном лексиконе носителя русского языка // Богданов С. И., Меньшикова Ю. В. (отв. ред.) XLII Международная филологическая конференция. Избранные труды. СПбГУ: Филологический факультет, 2014. С. 265—274. [Riekhakainen E. I. Verbal aspectual pairs and associative connections in the mental lexicon of the Russian native speaker. *XLII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya. Izbrannyye trudy*. Bogdanov S. I., Men'shikova Yu. V. (eds.) St. Petersburg State Univ.: Philology Department, 2014. Pp. 265—274.]
- Татевосов 2009 — Татевосов С. Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Киселева К. Л., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Татевосов С. Г. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 2009. С. 92—156. [Tatevosov S. G. Polyprefixation and the anatomy of the Russian verb. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. Kiseleva K. L., Plungian V. A., Rakhilina E. V., Tatevosov S. G. (eds.) Moscow: Probel, 2009. Pp. 92—156.]
- Татевосов 2013 — Татевосов С. Г. Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола) // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 42—89. [Tatevosov S. G. Polyprefixation and its consequences (Notes on the physiology of the Russian verb). *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 3. Pp. 42—89.]
- Татевосов 2015 — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянских культур, 2015. [Tatevosov S. G. *Aksional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya* [Actionality in lexicon and grammar. The verb and the event structure]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2015.]
- Тихонов 1964 — Тихонов А. Н. Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования // Вопросы языкознания. 1964. № 1. С. 42—52. [Tikhonov A. N. The purely perfectivizing prefixes in the system of Russian aspect word-formation. *Voprosy jazykoznanija*. 1964. No. 1. Pp. 42—52.]
- Тихонов 1998 — Тихонов А. Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. М.: Academia, 1998. [Tikhonov A. N. *Russkii glagol: problemy teorii i leksikografirovaniya* [The Russian verb: Problems of theory and lexicographic description]. Moscow: Academia, 1998.]
- Храковский 1990 — Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий глагола (Опыт анализа) // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 18—36. [Xrakovskij V. S. Interaction of grammatical categories of the verb. *Voprosy jazykoznanija*. 1990. No. 5. Pp. 18—36.]
- Храковский 2015 — Храковский В. С. Категория вида в русском языке: болевые точки // Китадзэ М. (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13—15 ноября 2015 г. Киото: Tanaka Print. С. 321—334. [Xrakovskij V. S. The category of aspect in Russian: Problematic issues. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov*. Kioto, 13—15 noyabrya 2015 g. Kitadze M. (comp.). Kioto: Tanaka Print. Pp. 321—334.]
- Bybee 1994 — Bybee J. L. The grammaticization of zero: Asymmetries in tense and aspect systems. *Perspectives on grammaticalization*. Pagliuca W. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 235—254.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Janda, Lyashevskaya 2011 — Janda L. A., Lyashevskaya O. Aspectual pairs in the Russian National Corpus. *Scando-Slavica*. 2011. Vol. 57. No. 2. Pp. 201—215.
- Janda et al. 2013 — Janda L. A., Endresen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S. *Why Russian aspectual prefixes aren't empty. Prefixes as verb classifiers*. Bloomington: Slavica Publishers, 2013.